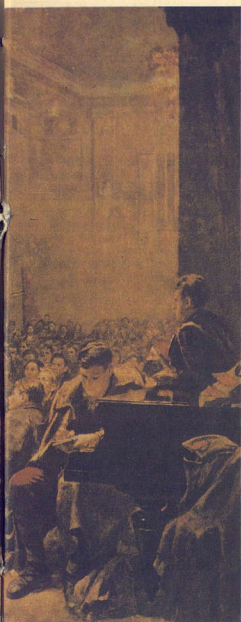

КОМСОМОЛ, ТВОИ ДЕЛА
ЗАВТРА СТАНУТ
НАШИМИ
ДЕЛАМИ!

КОСТЁР

4 АПРЕЛЬ 1974

Комсомол, —
 в космос дерзкий бросок,
 Пыль земных
 и космических дальних дорог, —
 Ты прошёл через годы,
 по кручам любви
 И остался таким же, как был,
 молодым.
 Конармейские шлемы
 в музеях давно,
 Те далекие битвы
 гремят лишь в кино,
 И виски ветеранов
 белей, чем снега,
 Но останутся жить
 на земле
 на века
 Твои песни,
 что я услышал от отца,
 Твоя правда,
 которой замёг ты сердца.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА
 НА III СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА В 1920 году

Художники Б. В. Иогансон, В. В. Соколов, Д. К. Телегин,
 Н. П. Фаддеев-Крандиевская,
 Н. Н. Чебиков

КОСТЁР

4
 АПРЕЛЬ
 1974

Ежемесячный журнал
 ЦК ВЛКСМ
 Центрального Совета
 Всесоюзной пионерской
 организации им. В. И. Ленина
 Союза писателей СССР
 Издаётся с 1906 года
 © „Костёр“, 1974 г.

На обложке рисунок Ю. Клыкова

— Это было в октябре 1918 года. Я ехала на съезд с Урала. Казалось, дороге нет конца: приходилось и путь расчищать, и дрова подносить к паровозу. На одной остановке кондуктор попросил пассажиров погрузить топливо для Москвы, я поняла, что Москва уже близко.

Приехала утром. Ищу на Малом Харитоньевском переулке нужный дом, спрашиваю:

— Где здесь первый съезд молодежи!

Сто семьдесят шесть делегатов приехали с разных концов страны, одержимые одной идеей: своими руками строить новый мир.

Мы утвердили Программу и Устав комсомола. Вместо разрозненных союзов рабоче-крестьянской молодежи возник Российский Коммунистический Союз Молодежи.

Владимир Ильич Ленин на съезде не выступал, но он встречался с группой делегатов, интересовался нашими делами и просил передать от имени партии всем комсомольцам, что партия верит в нас.

Эти слова — доброе напутствие вояды в день рождения комсомола.

Р. Я. Юровская,
 делегат I, II и III съездов
 комсомола

РАССКАЗЫ О РЕВОЛЮЦИОНЕРАХ

ВЫЕЗЖАЮ ЗАВТРА, ВСТРЕЧАЙ...

Борис Раевский

Рисунки В. Бескаравайного

Поздно вечером возвращался Бабушкин с рабочего собрания. Шагал медленно. Устал за день.

Уже три года прожил он здесь, в Екатеринославе. Привык постепенно к этому южному городу. А сначала, когда выслали сюда из Питера, каким все казалось странным, даже чудным: и певучий украинский говорок, и ленивые волны, бредущие прямо по улице, и огромный пестрый — чего только нет! — базар...

Иван Васильевич свернул на Третью Чечелевку, ускорил шаги. Пашенька, конечно, ждалась. И ведь как скверно получается! Каждый день хочется прийти пораньше. Сходить с Пашей в сад или просто побродить вдвоем по берегу Днепра. И никогда не выходит. Все что-нибудь да помешает. Да, невесело, наверное, быть его женой. Женой подпольщика.

Вспомнил Бабушкин, как в первые дни после женитбы пугал Пашу каждый стук на крыльце — все чудилось ей, что это жандармские сапоги подковками громяхают. Потом помаленьку привыкла, освоилась.

Освоилась, да не совсем. Как-то призналась Бабушкину — очень хотелось ей иметь свой дом, детей. Жить спокойно и незатейливо, как все вокруг живут... Но, видно, — не судьба...

Приблизившись к дому, Бабушкин замедлил шаги.

Опять на лавочке, неподалеку от их крыльца, сидел тот парень. Да, тот самый... Лет двадцати, в желтой косоворотке, щеголевато подпоясанный шелковым шнуром с кистями и в фуражке с лаковым козырьком.

Который раз уже видит его Бабушкин!

Парень то дремал на скамейке, то подолгу глядел в газету, так настойчиво, будто пытался выучить ее наизусть. А то сидел с гармошкой. И что-то наигрывал. Тихо. Словно только для себя. И слушал, прикрыв глаза, склонив ухом к самой гармошке.

Что за парень? Просто живет здесь, по соседству? Или...

«Проверим», — решил Бабушкин.

Он вошел в дом, жена сразу стала хлопотливо накрывать на стол.

— Я сейчас, Пашенька, — виновато сказал Бабушкин. — Через пяток минут...

Пошарил глазами вокруг. Ага, из-под кровати торчит чемодан! Годится.

С большим коричневым чемоданом вышел на улицу.

Парень все еще сидел на скамейке.

Иван Васильевич быстро прошагал мимо, будто очень торопился доставить чемодан туда, где его с нетерпением ждут. Стремительно прошел до перекрестка, свернул за угол и сразу остановился.

Дальше все случилось, как он и предполагал.

Вскоре из-за угла выскочил парень и с разгона налетел на чемодан, который Бабушкин нарочно выставил вперед.

— Виноват-с. Кажется, я... обеспокоил? — замялся парень, потирая ушибленную ногу.

— Пустяки! — усмехнулся Бабушкин. — Кажется, наоборот, я вас зашиб невзначай?!

Он вернулся домой. Задвинул под кровать чемодан и сел за стол. Ужинал.

Паша молча сидела рядом. Нет, она не спрашивала, зачем это муж вдруг схватил чемодан и куда-то помчался. Захочет — сам расскажет. А не скажет — значит, нельзя.

А Бабушкин ел и думал:

«Сигнал! Значит, пора мне сматывать удочки».

Он уже давно чувствовал: с каждым днем охранка все пристальней следит за ним. И теперь — этот парень...

— Знаешь, Пашенька, — сказал Бабушкин, поужинав. — А не надоел тебе этот паршивый Екатеринослав?

Жена широко открыла глаза. Была она маленькая, худенькая. А глаза — огромные, как блюдца.

— Вот новости! — сказала она. — Еще вчера ты вроде бы нахваливал наш город. И красавец он, и Днепр... А сегодня — уж так прямо и паршивый?

— Да, Пашенька, сегодня я увидел. Грязный городишко. Что в нем хорошего?

Бабушкин засмеялся и обнял жену.

— А вот знаешь, есть такой град Смоленск. Вот это да! Великолепный городище! И вишни там — ого! — Бабушкин, подмигнув жене.

Паша усмехнулась. Муж знал, что она больше всего на свете любит вишни.

— Надо ехать, Паша, — сказал Бабушкин и помрачнел.

Жена кивнула. Нет, не хотелось ей вот так, вдруг, покидать город, где прошла вся ее юность. Но... раз надо...

Утром Бабушкин сходил за извозчиком. Сам погрузил в пролетку два чемодана.

Жена уехала на вокзал.

Бабушкин не провожал ее, хотя и очень хотелось. Нелзя. Пусть шпик, если наблюдает за ним, не тревожится. Он — тут. Вот сидит, как нарочно, у окошка. А то шпик помчитс за женой на вокзал и выяснит, что уехала она в Смоленск. Нет, придется обойтис без проводов.

Бабушкин сидел дома, у окна, а сам думал: интересно, кто же заменил того парня в желтой косоворотке с шелковым пояском?

Может быть, эта вот торговка семечками? Чего она здесь расселась? Ишь, бойкое место нашла! Да тут за весь день она и гривенника не выручит!

А может, тот вон точильщик ножей? Он, кажется, уже третий раз за утро проходит туда-сюда по улице?

Чутье не обманывало Бабушкина. Ротмистр Кременецкий — начальник екатеринославского жандармского управления — уже давно попал на его след. Хитрый и опытный, он выжидал. Знал: главное — не торопиться. Поднадзорный нигуда не денется. А следя за ним, узнаешь и всех его друзей-товарищей. И в нужный момент не составит труда схватить сразу всех.

«Куда же податься? — думал Бабушкин. —

Где теперь Владимир Ильич? Надо бы связаться с ним...»

Последний раз Бабушкин видел его в Питере, лет пять назад, перед арестом. Ильич был бодрый и оживленный. Глаза его улыбаются. И весь он — ступок энергии. Как раз недавно кончилась стачка на фабрике Торитона. Ткачи, по совету Ильича, действовали дружно, напористо и заставили хозяев-англичан пойти на уступки.

«Наверно, Владимира Ильича уже нет в Сибири, — подумал Бабушкин. — Его трехлетняя ссылка должна бы кончиться. Но где же он теперь?»

Иван Васильевич беспокоило расхаживал по комнате. Да, ждать долше невозможно. Вчера вот опять увязался шпик. И нахально, почти не таясь, таскался за ним целый день по городу.

«Завтра утром уеду в Смоленск, — решил Бабушкин. — А там уж погляжу».

Надев пальто и шляпу, он зашагал на почтамт. Перед отъездом надо проверить, нет ли писем.

Подойдя к окошку «до востребования», Бабушкин протянул паспорт.

— Пожалуйста, господин Вязьмин, — сказал почтовый чиновник, выложив конверт на широкий барьер. — Только что прибыло...

Бабушкин и бровью не повел, когда его назвали Вязьминым. Скрываясь от полиции, он сменил уже две фамилии.

Тут же, на почтамте, Иван Васильевич сел на скамью и, прежде чем вскрыть конверт, внимательно оглядел его.

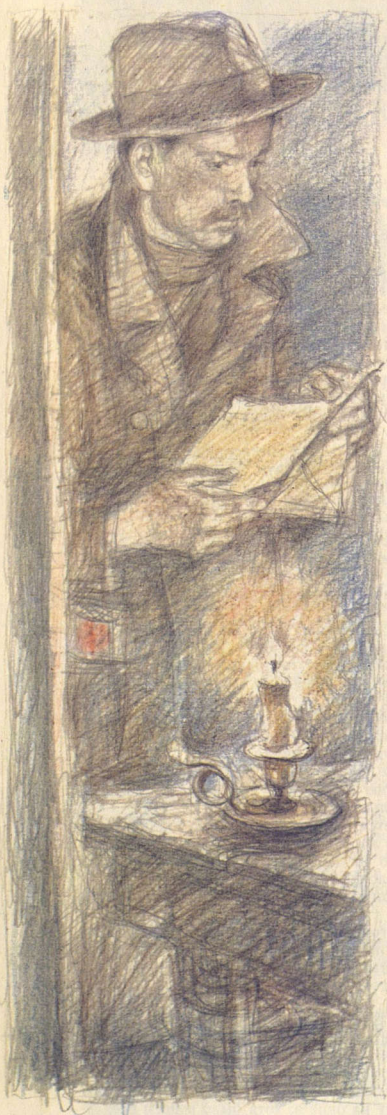
«Кажется, кто-то любопытный уже просмотрел мою корреспонденцию», — усмехнулся он. То место на конверте, где желтела полоска клея, было чуточку повреждено.

Развернув письмо, Иван Васильевич стал читать:

«Дорогой Афанасий Прокофийч! Должен сообщить тебе неприятное известие: наша дражайшая тетя Поля вывалилась из окна, с четвертого этажа, и сразу отдала богу душу».

Иван Васильевич не стал читать дальше. Смерть дражайшей тетушки, казалось, взволновала его. Сунув письмо в карман, он быстро пошел домой.

Запершись в комнате, Бабушкин задернул занавеску на окне и, хотя было совсем светло, зажег свечу. Потом вынул из кармана письмо,

расправил и стал осторожно подогрывать над острым язычком пламени.

Бумага пожелтела, покоробилась, кое-где появились бурые пятна-ожоги. И вдруг между строчек письма четко выступила новая строка:

«Прошу немедленно приехать. Николай Петрович».

Иван Васильевич чуть не вскрикнул от радости. «Николай Петрович» — это же Ильич! Старое подпольное имя Ульянова. Значит, Ильич на свободе. Ждет его, зовет!

Бабушкин еще раз внимательно оглядел конверт. Штамп пункта отправления — Псков. Вот где теперь Ильич! Значит, прощай Екатеринбург. Надо ехать в Псков. И сейчас же!

Иван Васильевич хотел уже сжечь письмо, но подумал:

«А куда же явиться во Пскове? Как разыскать там Ильича?»

В раздумье Бабушкин повертел письмо и так, и этак, снова внимательно прочитал его, опять прогрел весь лист над свечой, аккуратно, неторопливо. Но ни одной новой строчки не проявилось.

«Ну ничего. Невелик город Псков, — утешил себя Бабушкин. — Разущу».

И тут у него мелькнула догадка. Конверт! Может быть, на конверте написан молоком нужный адрес? Иван Васильевич быстро «подрумянил» конверт над свечой. Так и есть! В углу проступили три слова: адрес.

Несколько раз шепотом Бабушкин повторил его. Проверил, твердо ли запомнил. Потом разорвал письмо на длинные полоски и сжег их на свечке.

В маленький чемоданчик упаковал самое необходимое. Оглядел комнату: нет ли чего запретного?

В углу, возле кровати, стояла на полу маленькая корзинка. С такими по грибы ходят. В этой корзинке Бабушкин обычно хранил все «бумажное». И хотя помнил, что корзинка пуста, на всякий случай еще раз заглянул в нее. Да, пусто.

Простой стол, железная кровать, две табуретки, тиски, привинченные к толстой доске, прибитой в углу, все это придется бросить.

Если тащить все с собой, жандармы, конечно, поймут, что он уезжает, и непременно задержат.

«Хорошо, хоть жена увезла в Смоленск белье да одежду, — подумал Бабушкин. — А то пропало бы все ни за грош».

Он вышел на улицу, помахивая маленьким чемоданчиком, насвистывая что-то веселенькое. Казалось, он идет то ли в баню, то ли к знакомым.

Прямо на вокзал Иван Васильевич не поехал. Неторопливо прошел в центр города и остановился на перекрестке, у витрины мехового магазина, словно изучая лежащие за стеклом бобровые, соболиные, каракулевые шкурки.

Краем глаза быстро окинул проспект. Так и есть! Неподалеку, возле парикмахерской, тоже

остановился низенький человек в черном пальто и котелке. Он, как и Бабушкин, делал вид, что внимательно разглядывает модные прически на витрине. Лицо у него маленькое, плоское. Взгляд упорно скользит мимо Бабушкина, словно тот его совершенно не интересует. «Шпик. И притом не из ловких».

Маршрут пришлось изменить. Идти на вокзал невозможно, — шпик опять увяжется.

«Вот обидя! Неужели как раз сегодня, в последний мой «екатеринославский» день, и схватят? — хмурился Иван Васильевич, шагая по проспекту. — Надо что-то изобрести, как-то отделиться от шпика. Но как?»

В голову лезли всякие способы побега, но он отвергал их один за другим. Все рискованно, а хотелось действовать наверняка. Уж очень досадно попасться в последний день.

Вдруг в глаза бросилась вывеска: «Почта, телеграф».

«Ага! Кажется, придумал!»

Иван Васильевич быстро взбежал на две ступеньки, толкнул дверь и прошел на телеграф. Взял бланк, сел к столу, задумчиво разгладил усы. Краем глаза заметил: шпик тоже вошел на почту.

На бланке, в графе «кому», Бабушкин написал фамилию жены. Над графой «куда» слегка задумался. Жена — в Смоленске, но Иван Васильевич не собирался посылать телеграмму туда. Обмакнув перо, решительно написал: «Минск». Какую бы улицу придумать? Написал: «Губернаторская, 6». Губернаторские-то уж, наверно, в каждом городе есть!

Дальше перо скользило без задержки:

«Вьезжаю завтра. Встречай. Вагон восьмой. Целую».

Денег было в обрез, жалко тратить на всякие там «целую», да что поделаешь!

Бабушкин помахал бланком, чтобы просохли чернила, и протянул его в окошечко, где сидел сутулый пожилой чиновник. Заплатил за телеграмму, взял чемоданчик и, не глядя по сторонам, вышел на улицу.

Медленно проходя по тротуару мимо окон почты, заглянул внутрь. Ну, конечно! Шпик что-то торопливо доказывал сутулому пожилому чиновнику.

«Интересует, что я в телеграмме написал, — усмехнулся Бабушкин. — Пусть почтает. Для него и написано. Авось до завтра успокоится...»

Свернув за угол, он крикнул извозчика и умчался на вокзал.

Той же ночью дом на Третьей Чечелевке был окружен цепью городских. Высокий, щеголеватый пристав, в сопровождении двух полицейских, подошел к двери и постучал. Никто не ответил. Пристав постучал вторично. Снова тишина. Полицейские хотели уже выломать дверь, когда из соседней квартиры высунулась заспанная хозяйка дома.

— Где постоялец? — грозно набросился на нее пристав.

— Слесарь-то? — переспросила хозяйка. — А кто его ведает, батюшка! Дома он нонича чей-то не ночует.

Пристав нахмурился. Еле сдерживая злость, крикнул:

— Обыскать квартиру!

Полицейские потребовали у хозяйки ключ и вошли в дом.

По беспорядку в комнате, отсутствию одежды опытный глаз пристава сразу определил: птичка улетела.

— Проворонили! — зло крикнул он и опустился на табурет. Но тотчас вскочил и выругался: спиной он больно ударился о тиски.

Пристав понимал: искать что-нибудь после отъезда «Вязьмина» глупо и смешно, но нелзя же просто повернуться и уйти, не солоно хлебавши!

Обыск начался.

А в это время Бабушкин, положив под голову коричневый чемоданчик, лежал на верхней полке.

В вагоне было очень тесно. Пассажиры дремали, лежа и сидя. Кто-то стонал и хрипел, словно его душили.

Это был вагон третьего класса — самый дешевый. Ехать было далеко, несколько суток, а у Ивана Васильевича — ни денег, ни еды.

«Ничего, — думал Бабушкин. — Пустяки. С голодухи не помру».

Он старался задремать, но почему-то не спалось. А ведь каждые сутки недосыпал. И так мечтал отоспаться за все недели и месяцы сразу. Душно очень? Или переволновался?

Но, в общем-то, хоть и сосало под ложечкой — так хотелось есть, и голова налилась тяжестью от долгого лежания на чемодане, настроение у Бабушкина было отличное. Главное — что? Главное — он благополучно выбрался из Екатеринослава. И поезд мчит его в Псков, к Владимиру Ильичу.

СТАТИСТИКА - НАУКА ТИХАЯ...

Бабушкин прибыл во Псков в пять утра. Не торопясь, вышел на привокзальную площадь. Тихо. Пусто.

Десяток пассажиров, покинувших поезд вместе с Бабушкиным, уже разбрелись кто куда.

На немощенной площади кое-где еще сохранились последние островки ноздреватого снега: раскисшие, побуревшие.

Бабушкин посмотрел на часы.

«Нет, к Ильичу в такую рань — не годится». Неторопливо зашагал по спящему, тихому городу.

Псков напоминал буйно разросшуюся деревню. На улицах тянуло с детства знакомым сладковатым навозным духом. Из хлевов доносился негромкий рев коров, сытое посапывание свиней.

Бабушкин прошел мимо старинной церквушки с луковками куполов, свернул в сад, сел на скамейку. Снова глянул на часы.

«Вот ерунда-то! Ходил-ходил, а все еще четверть седьмого!»

Он удобнее устроился на скамейке. «Нет уж... До девяти подожду».

Двадцать девятого января кончился срок Siberской ссылки Владимира Ильича. Он знал: его ждет работа, его ждут товарищи, — ни одной лишней минуты не хотел быть в ссылке. В тот же день Владимир Ильич покинул «Шушу», как он в шутку называл село Шушенское.

Ему запретили жить в столице и во всех крупных городах. Владимир Ильич поселился в Пскове. Удобно: близко к Питеру.

Вскоре псковскому полицмейстеру Цыбовичу передали прошение от Владимира Ульянова. Пусть ему, давно занимающемуся статистикой, разрешат начать работу в земском статистическом бюро.

Цыбович, высокий, бледный старик с высо-

шим горбоносым лицом, сидя у себя в кабинете, уже третий раз пробегал пронзительными глазами прошение Ульянова.

«Ага. Бывший ссылный-то... Кажется, обрадовался. Статистика — наука тихая, безобидная. Все цифирьки, цифирьки... Пусть считает на здоровье».

И Цыбович милостиво начертал: «Не препятствовать».

Через две недели ему доложили: местные статистики собираются и беседуют до поздней ночи. Бывает на этих сборищах и Ульянов.

— Толкует? — спросил полицмейстер. — А о чем?

— Преимущественно о статистике...

— Статистике не препятствовать! — приказал Цыбович.

Бабушкин сидел у Ильича, рассказывал о екатеринских делах, отвечал на вопросы. А сам вглядывался в его лицо.

Нет, трехлетняя ссылка не сломила Ульянова. Все так же горячо и уверенно звучит его голос, все так же быстры остроумные реплики. Только смотрит, пожалуй, пристальней, строже.

Радовало Бабушкина, что выглядит Старик — так иногда подпольщики называли молодого Ленина — отлично. Недаром, значит, как рассказывали друзья, Ильич в ссылке каждое утро делал зарядку, в любой мороз ходил на прогулки, колот дрова, охотился. А то ведь некоторые возвращаются из Сибири подавленные, с угасшим взглядом и поникшей головой.

— Ну, хорошо, — сказал на прощание Вла-

Третий съезд комсомола встречал Владимира Ильича громом аплодисментов. Овациям не было конца. Мы видели, что он сердится, показывает на часы, но никак не могли успокоиться: большинство из нас впервые видело вождя революции.

Он подошел к краю сцены. Вынул из кармана несколько листов бумаги. Внимательно просмотрел их. Затем положил обратно. И сразу же, как только начал говорить, понял: это не разговор о текущем моменте, как было принято, а дружеская беседа о вещах более важных:

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи...

Мы были удивлены: ведь война еще продолжалась и, следовательно, задача ясна — воевать с врагами.

Но Ленин смотрел дальше... Он считал иначе. И убедил нас, что главная задача — это «учиться коммунизму».

Годы, прошедшие с апреля 1920 года, подтвердили правоту Ленинских слов.

*Г. И. Шушпанов,
делегат III съезда*

димир Ильич. — Вечером еще встретимся. Приходите ровно в семь. Да! И не забудьте: отныне вы — ученый, статистик!

Вечером на узенькой, сонной, поросшей кустами бузины улочке Пскова, в ветхом домишке собралось четверо «статистиков». Двое — местные, один — из Питера и один — из Екатеринослава. Они сидели в большой комнате с низким потолком, оклеенной дешевенькими цветастыми обоями.

Полицие́стер Цыбович удивился бы, разъярился бы, услышав их разговоры.

Владимир Ильич сказал:

— Вы, товарищи, знаете, — два года тому назад состоялся первый съезд РСДРП. Съезд провозгласил создание партии. Но все вы так же знаете, что, по существу, партии у нас еще нет. Всюду разброд, наши мелкие организации не связаны друг с другом, действуют кто во что горазд... Надо выковать настоящую партию: боевую, сплоченную. Сделать это можно только лишь создав общерусскую марксистскую газету...

И он рассказал собравшимся свой план. Долгими месяцами в ссылке обдумывал его Владимир Ильич.

Печатать газету надо за границей, чтобы царские жандармы не могли разгромить типографию и арестовать редакцию. Из-за границы тайно доставлять газету в Россию. На местах, во всех крупных городах и промышленных центрах, необходимо иметь широкую сеть корреспондентов, которые регулярно сообщали бы в редакцию о всех событиях в России. Эти же корреспонденты будут получать из-за границы газету и распространять ее в подпольных

кружках. Таким образом мы создадим костяк партии.

Иван Васильевич с жадным интересом слушал Ленина.

«Верно, — думал Бабушкин. — Разве это партия, когда один не подчиняется другому и не знает, что делает его сосед? Вот хотя бы у нас в Екатеринославе. Работали на свой страх и риск. Кустарщина...»

Была уже поздняя ночь. Пора расходиться.

— С удовольствием оставил бы вас ночевать у себя, — сказал Ильич Ивану Васильевичу. — Но нельзя! Конспирация. Вот переночуете у товарища. — Владимир Ильич глазами указал на высокого сутулого мужчину.

Тот кивнул.

На прощанье Ильич сказал Бабушкину:

— Вы, Иван Васильевич, будете первым корреспондентом «Искры» по Иваново-Вознесенску, Орехово-Зуеву, Шуе. Это крупнейший центр текстильной промышленности. Там тысячи пролетариев. Для революционера — непочатый край работы.

— Все будет исполнено, Николай Петрович, — сказал Бабушкин, по старой привычке называя своего учителя конспиративным именем. — Когда отправляться? Мне еще надо заехать за женой, в Смоленск.

— В Смоленск? — воскликнул Владимир Ильич. — Очень кстати! Организуйте там пересылный пункт. Через Смоленск из-за границы будет идти большая часть «Искры». Вам надо наладить дело так, чтобы «Искра» доставлялась в Смоленск и из Смоленска бесперебойно...

Они стояли рядом, оба невысокие, плотные.

Пятый съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи. 11—17 октября 1922 года. В ту пору комсомол еще не назывался Ленинским, но он жил и трудился за Лениным в сердце.

Это подтверждают и делегатский билет № 25, и приветствие комсомольцев любимому вождю:

«...С чувством величайшего радостного волнения V Всероссийский съезд РКСМ выслушал Ваше дружеское приветствие... От имени Союза съезд горячо поздравляет Вас с выздоровлением... Комсомольская Россия будет всегда готова по Вашему призыву «штурмовать небо»!

МОСКВА.
10 октября 1922 г.

ПРОГРАММА ДНЯ СЪЕЗДА

1. Мандатирование и иницирование полномочий Республикан.
2. Доклад Исполкома Коммуны Молодежи.
3. Отчет Ц. К.
4. Коммунистические воспитатели молодежи в условиях Н. Э. П.
5. Образование рабочих молодежи.
6. Работа в деревне.
7. Выборы Ц. К.

Содержание дня съезда, утвержденное

Федеральным исполнительным комитетом
1-го Всероссийского съезда Р. К. С. М.

ДЕЛЕГАТСКИЙ БИЛЕТ № 25

Предназначенного для

Ленин

делегатом на V-й Всероссийский Съезд Р. К. С. М.

от Ц. К. Р. К. С. М.

с целью представительства молодежи

В. В. Виноградов

Съезд принял решение взять шефство над Красным Военным Флотом Республики, утвердил Программу, Законы и Торжественное обещание юных пионеров.

Бабушкину было всего двадцать семь лет, а выглядел он — русоволосый, голубоглазый — еще моложе. Ильяч же, хотя был всего на три года старше Бабушкина, уже полысел и казался солиднее, старше своих лет.

Бабушкину хотелось обнять Владимира Ильяча, ведь они не виделись уже пять лет и теперь вновь расстаются, наверно, на долгие годы. — Ульянов едет за границу, издавать там «Искру». Но вокруг были люди, — Бабушкин застеснялся и на прощанье только крепко пожал руку своему учителю.

Вскоре в Смоленске, в покосившемся домике на Духовной улице, появился новый житель.

— Наконец-то приехал мой муж! — заявила хозяйке Прасковья Никитична. — Задержался он: распродал свою слесарную мастерскую.

В тот же день Бабушкин пошел бродить по улицам.

Весна уже вступила в свои права. Смоленск чем-то напоминал Псков. Воздух был тоже совсем деревенским: густой, пьянящий. Извилистые, узкие, утопающие в старых густых садах улочки карабкались по холмам. С Днепра тянуло свежестью и прохладой. На окраине также мычали коровы, кудахтали куры, домишки стояли деревянные, с палисадниками и жестяными петухами-вертушками на крышах.

«Нужно устроиться на работу, — думал Бабушкин. — Не то попаду на заметку полиции. Да и жить на что-то надо. А главное — на заводе быстрее свяжусь с рабочими».

Посреди одной из центральных улиц Бабушкин увидел толпу людей. Они копали ямы, ставили столбы, подтаскивали рельсы.

— Что строят? — полюбопытствовал Иван Васильевич.

— Новейшую достижениею — электрическую конку! — ответил землекоп, судя по одежде, недавно приехавший из деревни. — Зовется по-ученому: трам-вам!

Он с трудом разогнул спину и отдыхал, опираясь на лопату.

«А что?! — весело подумал Иван Васильевич. — Видно, судьба мне выпала — позаботиться, чтобы жители Смоленска поменьше били ноги».

— Мастеровые требуются? — спросил он землекопа.

— Еще как! — вмешался молодой путеукладчик. — И монтеры нужны, и слесари, и землекопы, и кладовщик.

Бабушкин тотчас направился в контору «городового инженера» — так в те годы назывался руководитель работ.

«Попрошусь в инструментальную, кладовщиком, — подумал Бабушкин. — Удобная должность — каждый рабочий ко мне хоть разок да заглянет. Беседуй вволю с кем хочешь!»

— В инструментал разбираешься? — спросил городской инженер.

— С четырнадцати лет слесарю, — ответил Бабушкин.

— Паспорт?

Бабушкин выложил на стол паспорт.

— Ладно! — сказал инженер. — Так вот, Скворцов, завтра приступай к работе!

— Как прикажете, — ответил Бабушкин.

Паспорт на имя Скворцова был у него всего несколько дней, но Бабушкин не беспокоился. Владимир Ильяч заверил его: паспорт сделан на славу. Жандармам не к чему придираться.

На следующее утро в инструментальную кладовую — дощатый сарай, построенный возле трамвайных путей, — пришел новый кладовщик. Он внимательно оглядел свое хозяйство. Сарай был поделен двумя шкафами: пополам — в первую комнату-клетушку приходили рабочие, в задней хранились инструменты.

Бабушкин стал сортировать сваленные в кучу напильники. Потом взял деревянный ящик, разгороженный на восемь отделений, и перебрал все сверла. Тупые, ломаные откладывал в сторону; хорошие, годные к работе, складывал в ящик по размерам: дюймовые — к дюймовым, в одно отделение, полудюймовые — в другое, дюйм с четвертью — в третье...

То и дело хлопала дверь кладовой. С линии приходили монтеры, слесари, землекопы, монтажники. Новый кладовщик быстро выдавал им лопаты, метчики, пилы, напильники и, словно между прочим, с каждым заводил разговор. Начинал обычно с пустяков: погода вот хорошая, скоро уже лето, сегодня электромонтер подвешивал провода и прямо возле одного столба нашел подснежник. Слово за слово — завязывалась беседа, и, смотришь, уже не о погоде, а о порядках на строительстве.

Через несколько дней «трамвайщики» приехали к новому кладовщику, а многие даже подружился с ним. Скворцов был молодой, подвижный, любил пошутить.

С недавних пор Иван Васильевич стал носить очки. Впрочем, очки больше лежали у него в кармане. Только записывая выданный инструмент, Скворцов надевал их, да и то не всегда.

Очки были простые, в железной оправе. Но стекла в них зеленовато-бутылочного цвета. Они не увеличивали и не уменьшали. Впрочем, зрение у него было хорошее. А очки Бабушкин надевал потому, что у него были красноватые, припухлые, очень приметные веки. Иногда не мешало, на всякий случай, скрыть их от любопытного филерского глаза.

В Смоленске Иван Васильевич еще раз убедился, как глубоко прав Владимир Ильяч. Городской комитет партии существовал, но не был связан с партияцами других городов и с центром. Даже Ильяч не смог дать Бабушкину «явку» в Смоленске.

Первым делом Бабушкин связал местный комитет с Москвой. Вскоре оттуда прибыл чемодан с нелегальной литературой. Несколько пачек листовок и брошюр, отпечатанных на

тонкой, почти прозрачной бумаге; Бабушкин припрятал их у себя в кладовой, в ящиках с инструментами.

Назавтра в кладовую пришел пожилой слесарь с небритым мурым лицом и маленькой курчавой бородкой.

— Дай-ка мне зубило. А лучше парочку! — сказал он.

Бабушкин пристально взглянул на него.

— Говорят, на днях в Днепре громадную шуку выловили, — негромко произнес Иван Васильевич.

Слесарь нисколько не удивился, что кладовщик вдруг заговорил о шуке.

— Точно, — подтвердил он. — Двухметровую.

Бабушкин вышел в заднюю комнату и вынес оттуда деревянную коробку.

Слесарь взял ее и ушел.

Вскоре дверь снова заскрипела. Пришел землекоп.

— Выдай лопату! Моя совсем затупилась. А лучше парочку дай! — сказал он.

Кладовщик почему-то не спросил, зачем землекопу понадобились сразу две лопаты.

— Говорят, на днях в Днепре громадную шуку выловили, — сказал он.

— Точно! — обрадовался землекоп. — Не шука, а целый кит. Два метра ростом!

Бабушкин передал ему новые лопаты в брезентовых чехлах.

Потом пришел плотник, совсем молодой паренек.

— Выдай-ка, дяденька, фунт гвоздей, — попросил он.

Почесал в затылке и прибавил:

— А лучше парочку!

Кладовщик снова завел разговор о шуке, потом удалился в заднюю комнату и вынес мешочек.

— А знаешь, как и куда надо гвозди забивать? — спросил он. — Молотком грохнешь мимо — пальцы отшибешь.

— Не беспокойся, дяденька, — ответил смешливый паренек. — Все гвозди вгною куда положено! По самую шляпку!

Он развязал мешочек, заглянул в него и подмигнул Бабушкину: на дне, под гвоздями, лежала стопка листовок.

Взволнованный начальник дистанции явился в жандармское управление к полковнику Громеко.

— Бунт, — тревожным шепотом сообщил начальник дистанции, хотя никакого «бунта» на стройке еще не было. — Все время бог миловал, а тут словно с неба — листовки...

— Не богохульствуйте, — перебил его Громеко. — Небо тут ни при чем. Причина вполне земная...

Перед полковником Громеко лежал секретный пакет из Екатеринослава за № 1790. Ротмистр Кременецкий просил «уредить срочный розыск и привлечь к дознанию по статье 1035 поднадзорного Ивана Васильева Бабушки-

на», который скрылся из Екатеринослава и сейчас по некоторым данным, возможно, находится в Смоленске.

Громеко решил не медлить. Во все концы города были направлены жандармы и шпики.

Бабушкин тоже не терял времени. По вечерам в его комнате теперь часто собирались партии. Первой всегда приходила совсем молодая девушка — учительница. За ней — рабочий с мукомольни. Потом являлся пожилой слесарь с курчавой бородкой, веселый телеграфист, два железнодорожника.

Товарищ Трамвайный — так партии называли Бабушкина — ставил на стол кипящий самовар, телеграфист брал в руки гитару, учительница разливала чай.

Казалось, компания друзей собралась повеселиться. Но чай стыл в чашках, закуски стояли нетронутыми, а собравшиеся напряженно слушали тихий, глуховатый голос хозяина.

Товарищ Трамвайный говорил, что нужно создать настоящую боевую партию, и для этого Владимир Ильич будет издавать за границей газету «Искра». Рассказывал о своих встречах с Ильичем. Говорил об ответственном поручении Ульянова: сколотить здесь, в Смоленске, группу надежных, стойких товарищей. Они должны принять «Искру» из-за границы. Дело трудное, опасное. Малейшая неосторожность грозит провалом.

— Справитесь? — испытующе поглядев на собравшихся, спросил Бабушкин.

— Передайте товарищу Ульянову, — за всех ответил пожилой молчаливый слесарь, — задание выполним!

...Как-то днем, в палящий зной, заскрипела дверь в кладовую.

Вшел огромный усатый жандарм.

«За мной!» — подумал Иван Васильевич.

Собрав всю свою выдержку, он быстро надел очки и молча ждал, что скажет грозный посетитель.

— Дозвольте водички, любезный! — хрипло попросил жандарм, тяжело опускаясь на табурет. — С утра гоняюсь, ако пес...

Бабушкин облегченно вздохнул, подал ему кружку с водой, предложил снять тяжелую шинель.

— А чего вы, служивый, ногам покоя не даете? — сочувственно спросил он, когда жандарм немного отошел.

— Такая наша служба, — ответил усач. — Государственный преступник объявился... Какой-то Дедушкин. Нет, наоборот — Бабушкин... Где он — никто не знает... А ты ищи, как проклятый!

Бабушкин продолжал спокойно стоять около жандарма.

— Да, мудроно так человека сыскать, — глуховатым голосом сказал он. — Людшек-то на земле поболее, чем блох... Вы бы, ваше благородие, хоть узнали, какой он из себя, преступник-то?

— Знаем, — недовольно махнул рукой

усач. — А что толку? Невысокий, плотный... Да мало ли их, невысоких?

— Вот и я, к примеру, не великан, — усмехнулся Иван Васильевич.

— То-то и оно, — кивнул жандарм. — Есть, правда, и другие приметы: веки у него пухлые, хмельного не потребляет, не курит...

— Это уже существенней, — сказал Бабушкин, поблескивая зеленоватыми стеклами очков. — Непьющих не так уж много. И некурящих тоже. А и то, и другое сразу, таких уж — раз-два и обчелся. Дозволяете предложить папироску, ваше благородие!

Иван Васильевич вытащил из кармана потертую распечатанную пачку папирос и протянул жандарму.

Они закурили.

«Увижу когда-нибудь Морозова — великое спасибо ему скажу», — подумал Бабушкин.

Старый друг, Петр Морозов, приучил его, некурящего, на всякий случай всегда носить с собой папиросы, как и очки. Давненько эту пачку таскал, а вот пригодилась!

Покурив, жандарм встал, натянул шинель, выпил еще кружку воды и, откозыряв, ушел.

«Сигнал! Пора мне уезжать», — чувствуя, что у него вдруг пересохло во рту, подумал Бабушкин.

Ильич предупредил его: в Смоленске не за-

держиваться. Бабушкина ждала важная работа в Иваново-Вознесенске и Орехово-Зуеве.

«Здесь я свое задание выполнил, — подумал Иван Васильевич. — «Искру» примут надежные руки. Прощай, Смоленск!..»

...В тот же вечер на окраине города в маленькой комнате с горящей в углу лампадкой собралось несколько друзей.

— Товарищ Трамвайный уехал, — сказал пожилой слесарь с курчавой бородкой, пристально оглядывая всех поочередно. — Перед отъездом он передал мне: получены сведения, что первый номер «Искры» выйдет в декабре нынешнего года. Товарищ Трамвайный просил еще раз проверить, готовы ли мы к приему газеты из-за границы.

— Места для хранения приготовлены. «Явки» посланы. Ждем не дождемся газеты, — ответил телеграфист.

— А у вас? — обратился слесарь к остальным.

— Все готово! — сказал высокий усатый пу-теец.

Двое других молча кивнули.

— Прошу вас снова еще раз проверить, — сказал слесарь. — А я сообщу: дорога для «Искры» открыта!

ПАРТИЙНЫЕ БИЛЕТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Партия постановила: в 1973—1974 году каждый коммунист нашей страны должен получить партийный билет нового образца.

Возможно, у твоего отца или старшего брата уже есть новый партийный билет. И тогда ты знаешь, что на самом первом развороте нового партбилета изображен Владимир Ильич Ленин.

Портрет Ленина на партбилете.

Это значит, что партия, как и раньше, идет строго по пути, указанному Лениным.

Это значит, что коммунисты, все те, кто рядом со своими сердцами хранят партийные билеты, сверяют каждый новый день жизни с заветами Ленина.

И на том же, первом развороте партбилета ты мог прочитать Ленинские слова: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи».

Партийный билет. Его история — это история революции, история трудных и счастливых дней всего народа.

ИЗ ИСТОРИИ

Сначала русские революционеры партийных билетов не имели.

В июле 1903 года за границей собрался второй съезд Российской Социал-Демократической Рабочей партии. Этим съездом руководил Владимир Ильич Ленин. На съезде впервые были приняты Программа и Устав партии.

В Программе говорилось о целях и методах революционной борьбы, а в Уставе — о правах и обязанностях члена партии.

Нужен был, конечно, и партийный билет.

Но революционеры находились в подполье. Их отслеживали шпики тайной полиции, им грозили тюрьма, каторга.

Поэтому требовалась очень строгая конспирация.

Например, каждый революционер имел подпольное имя. У некоторых таких партийных кличек было по десять-пятнадцать. Однажды даже состоялась конференция, на которой эти тайные имена распределялись. Так Владимир Ильич Ульянов подписывал свои статьи — Н. Ленин, иногда — В. Ильин. У Я. М. Свердлова главное подпольное имя было Андрей, у И. В. Бабушкина — Богдан, у Е. Д. Стасовой — Абсолют.

Часто подпольщику давалось шифрованное письмо. Получатель письма внимательно читал его, узнавал все нужное, а это письмо сжигал. Немедленное уничтожение письма было одним из основных правил подпольной революционной работы. Поэтому много важных, необходимых теперь для истории документов не сохранилось.

Понятно, что в таких условиях партийный билет, найденный при обыске, выдавал бы любого подпольщика с головой.

ПЕРВЫЕ ПАРТИЙНЫЕ БИЛЕТЫ

Большевики стали получать партийные билеты сразу после Февральской революции 1917 года, когда перешли на легальную работу. Так решило бюро ЦК партии 18 марта 1917 года.

Партийный билет № 600. Это

был билет В. И. Ленина. Пока найдены лишь регистрационная запись да имя человека, который вручал этот билет вечером третьего апреля 1917 года Владимиру Ильичу на перроне Финляндского вокзала. Человек этот — И. Д. Чугурин — был секретарем Выборгского большевистского райкома партии Петрограда.

Приближалась Великая Октябрьская революция. Рабочие, солдаты по всей стране вступали в большевистскую партию, и каждый из них получал партийный билет.

В разных городах билеты выглядели по-разному. Они имели разную форму, разный цвет. Иногда это были маленькие листочки дешевой бумаги, заполненные от руки.

Но как бы они ни отличались друг от друга по внешнему виду, говорили они об одном: партия росла с каждым днем, с каждым часом. Если в феврале 1917 года членов партии было 24 тысячи, то в апреле — уже 240 тысяч, а в октябре их стало 350 тысяч человек.

„К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!“

«Временное правительство низложено». — Так начинался манифест Петроградского Военно-Революционного Комитета. На нем поставлено не только число — 25 октября 1917 года, но даже и время — 10 часов утра. Большевики во главе с Лениным взяли власть в свои руки.

Мы хорошо знаем первые

законы Советской власти. Это — Декрет о мире, Декрет о земле, Декрет о свободе совести.

Партийный билет В. И. Ленина
1922 г.

«Земля — народу», «Хлеб — голодным» — такие лозунги понятны каждому трудящемуся человеку.

«Товарищ красноармеец! — писалось тогда в одной из листовок. — Теперь, когда решается судьба рабоче-крестьянской Советской республики, нельзя оставаться беспартийным».

Тысячи старых подпольщиков и молодых коммунистов, едва успевших получить партийный билет, уходили на фронты гражданской войны.

«Все на борьбу с Колчаком!» — призывала партия. И большевики шли на борьбу с Колчаком.

«Все на борьбу с Деникиным!» — И большевики шли на борьбу с Деникиным.

Сколько их было — этих обозленных на молодую Советскую республику атаманов и атаманихов, и с каждым из них приходилось драться не на жизнь, а на смерть.

Голодные, плохо одетые красноармейцы сражались с оборотными белогвардейскими дивизиями и побеждали. Они сражались за мечту, за идею, и в бой их вели коммунисты.

С 1918 года партия стала называться Российской Коммунистической партией (большевики). Так было решено в марте этого года на седьмом экстренном съезде партии после доклада Владимира Ильича Ленина.

Коммунисты стали получать новые партийные билеты.

Обмен партийных билетов — дело серьезное и необходимое.

Ведь если партия меняет название — значит, меняется и партийный билет.

К тому же в партию вступали люди различного происхождения: не только рабочие, но и крестьяне, все они имели разное образование, говорили на разных языках. Это тоже нужно было отразить в партийном билете. И тогда партийный билет становился похожим на тетрадь. В нем были ответы на всевозможные вопросы. Был даже такой вопрос: «Какие газеты читаете?»

Партийный билет, похожий на тетрадь, имел и В. И. Ленин. Сейчас этот билет можно видеть в Москве, в Центральном Музее Ленина.

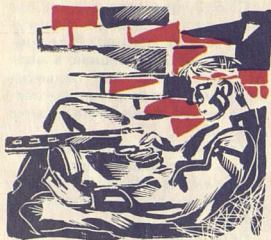
ОТ СТАНКА — В ПАРТИЮ

1924 год. Январь.

Умер Ленин.

На вечное хранение сдается партийный билет вожда.

Советские люди откликнулись на смерть Владимира Ильича Ленина новым призывом в партию. Он получил название Ленинского призыва.

240 тысяч рабочих, 130 тысяч крестьян вступили в РКП(б).

«От станка — в партию!» Эти слова стали лозунгом рабочего класса. Эти слова поддерживали трудящиеся всех советских республик, которые с 1922 года объединились в равноправный и единый Союз.

Теперь Коммунистическая партия стала Всесоюзной. В декабре 1925 года XIV съезд партии утвердил решение о переименовании ее во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков).

В 1927 году во время обмена партийных билетов билет номер один был выписан на имя В. И. Ленина. Это была дань глубокого уважения вождю и основателю партии.

Следуя его заветам, XIV съезд ВКП(б) постановил, что основной задачей партии в новых условиях стала борьба за победу социалистического строительства в СССР.

Социалистическое строительство — это первые пятилетки.

Это первые тракторные заводы и первые колхозы. Это поразительный по мощи и размаху энтузиазм всего народа. Но путь этот был нелегок. Кулацкие пули из-за угла, диверсии на фабриках и стройках сопровождали каждое усилие рабочих и крестьян вырвать народное хозяйство из цепких лап нищеты и разрухи. Поэтому трудовые будни становились ежедневной мужественной борьбой.

И здесь в первых рядах были те, кто нес с собой билет члена Коммунистической партии. Ведь такой билет говорит о высоких моральных качествах человека, о его идейной убежденности.

датской карточке после гибели В. А. Нефедьева).

Страшные бедствия войны. Руины и пожарища.

Шестидесят процентов всего состава партии ушло в армию.

И снова — «Коммунисты — вперед!» Этот призыв партии раздавался на самых трудных участках фронта, в самые тяжелые дни блокады, на самых ответственных тыловых работах.

Быть коммунистом не только почетно, но и непросто.

Около трех миллионов коммунистов погибло на войне.

И более пяти миллионов человек пополнили их ряды.

Часто бывает, что события огромной важности, большая

„Я КЛЯНУСЬ..“

Партийные билеты периода Великой Отечественной войны. Билеты, пробитые пулями и обгаренные кровью сынов и дочерей нашей родины.

«В первичную партийную организацию от лейтенанта Семенихина Василия Андреевича.

Заявление.
Иду в бой. Считаю меня членом партии.
Лейтенант В. Семенихин».

«Умереть, но не сдаться. Такой наказ матери. Умираю коммунистом и знаю за что. Мл. лейтенант В. А. Нефедьев.
28.1.44.»

(Записка, найденная в кин-

доческая любовь или трагедия воплощаются в той или иной вещи, письме, документе. В истории нашего государства таким документом стал партийный билет. В нем сосредоточились долг и самоотверженность, призыв сердца и любовь к Родине, а в грозные военные годы — и неиссякаемая вера в победу.

«Я клянусь. — не ворвется Враг в траншею мою.
А погибнуть придется — Так погибну в бою.
Чтоб глядели с любовью Через тысячу лет
На окрашенный кровью Мой партийный билет».

(Стихи, обнаруженные в партийном билете Героя Советского Со-

юза лейтенанта Г. Ф. Потемкина. Родился в 1923 году, погиб 18 октября 1943 года).

БИЛЕТ № 00000001

Почти тридцать лет прошло с тех пор.

Это были трудные годы становления хозяйства, годы покорения целинных земель и строительства крупнейших гидроэлектростанций, годы завоевания космоса и сплочения всего социалистического лагеря. Это были тридцать лет мира и труда.

Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков росла и крепла. С 1952 года она стала называться Коммунистической партией Советского Союза. И коммунисты получили новые партийные билеты, рассчитанные на двадцать лет.

И вот майский 1972 года пленум ЦК партии принял постановление об очередном обмене партийных документов.

Теперь их пятнадцать миллионов — партийных книжек, принадлежащих лучшим представителям всех поколений советских людей. Тех, кого называют умом, честью и совестью нашей эпохи.

1 марта 1973 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подписал партийный билет нового образца № 00000001 на имя Владимира Ильича Ленина — основателя и вождя Коммунистической партии Советского Союза.

В. Воскобойников,
М. Ясков

Рисунки А. Гетманского

ЛЕДЯНОЙ МОСТ

Иван Демьянов

Бегут, спешат грузовики,
На них горбы

— крупы,
муки...

Веревкой стянуты мешки —
И не видать кабин!
Ведь путь открыт на Ленинград —
Лоснятся льды от шин!

То жизни катится река,
Течет река

издалека,
Враги ее бомбят!..
Тамбовский хлеб,
Сибирский хлеб —
Чтоб город Ленина окреп,
Чтоб выжил Ленинград!

Не всем проехать суждено,
В Дороге жизни — так:
Кому — вперед!
Кому — на дно,

в холодный,
вечный
мрак!

В пути таких немало мест —
Во льдах широких ран...
Объезд, объезд,
Опять объезд!
Сырая ночь,

туман...

★ ★ ★

Как жаль, что нет музея-ледника.
В его тиши, торжественной и строгой,
Мы б сохранили льдину на века,
Которая служила нам дорогой.

Рисунок В. Топкова

Пять десятилетий отделяют III съезд от XVI съезда ВЛКСМ. Многие поколения прошли за эти годы под знаменами Ленинского комсомола.

Но вслушайтесь в слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные на съезде:

«...Коммунистическое воспитание молодежи было и остается важнейшим содержанием деятельности комсомольских организаций...»

Вспомните выступление первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова:

«...Комиссары и молодые поколения нашей страны были, есть и будут коммунистами!..»

И вы поймете: XVI съезд продолжал разговор, начатый Владимиром Ильичем Лениным в апреле 1920 года.

Знаменосцы съезда — дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт В. А. Шаталов, Елена Белова — чемпионка Олимпийских игр по фехтованию, А. С. Высоцкий — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, бригадир нарезной бригады шахты „Саксагань“, ударник коммунистического труда.

Учиться коммунизму — это значит: сегодня работать лучше, чем вчера.

Свой пятилетний план слесарь-инструментальщик ленинградского объединения «Светлана» Александр Зубарев выполнил еще в прошлом году.

За большой трудовой подвиг Саша награжден золотым значком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки».

**Самых лучших,
самых мужественных
и трудолюбивых
выбирают делегатами
съездов ВЛКСМ**

Это было в 1963 году, в Гурзуфе, на берегу Черного моря. Здесь, в военном санатории, отдыхал тогда Юрий Алексеевич Гагарин. Обычно во второй по-

что проиграла партию, а поскольку желающих было много, игра шла на «вышибание». По лицу Гагарина было видно, как он раздосадован проигрышем. Товарищи его по команде шутили, смеялись, а он был по-настоящему, как-то по-мальчишески огорчен и не скрывал этого.

Я видел в объектив, как девочка подошла совсем близко к Юрию Алексеевичу и, стоя к нему боком, осторожно протянула руку в его сторону. Наступило мгновение, которого мы с нею так долго ждали. Я нажал спуск, Гагарин, конеч-

но, и не подозревал, что я снимаю его.

Посмотрите на девочку — счастливейший миг! Быть может, счастливейший в жизни.

Я записал на обрывке бумаги ее адрес и обещал прислать фотокарточку. Через месяц, вернувшись в Ленинград, я отпечатал снимки и хотел было выполнить свое обещание, но, увы, не смог — бумажка с адресом как сквозь землю провалилась...

Сейчас той девочке лет восемнадцать. Кто знает, а вдруг этот номер журнала попадет к ней на глаза?.. А. Крестинский

РЯДОМ С ГАГАРИНЫМ

ловине дня, когда спадала жара, на спортивных площадках санатория начиналось оживление. Большой и настольный теннис, баскетбол, волейбол... Юрий Алексеевич предпочитал волейбол, и понятно, что вокруг волейбольной площадки собиралось особенно много народу.

Однажды в парке ко мне подошла девочка лет семи и попросила:

— Сфотографируйте меня, пожалуйста, рядом с Гагариным.

Я в шутку сказал:

— Подойди, попроси его, а я щелкну...

— Нет, — возразила девочка, — я боюсь, вы просто рядом сфотографируете...

— Хорошо, — сказал я, — иди, вставай рядом...

Желающих постоять рядом с Гагариным оказалось немало. Только я находил точку съемки — какой-нибудь толстенный отдыхающий в майке-сеточке заслонял или Гагарина, или девочку. Мы с нею снова терпеливо ждали удобного момента — и снова в последнюю секунду появлялась неожиданная помеха... Впору было отчаяться. Но девочка не хотела сдаваться. Она подбиралась все ближе и ближе к Юрию Алексеевичу.

Команда Гагарина только

АЛЛА

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ «КОСТРА»

ВЕСТИ О ПИОНЕРСКИХ МАРШРУТАХ

Выступили с концертом на Роменской ферме. Доярки просили: «Приезжайте еще!»

Дружина
Зайцевской восьмилетней
школы, Кировская область

Собрали: макулатуры 1 589 килограммов. Металлолома 12 000 килограммов. 20 килограммов сосновых почек. 8 тонн грибов.

Дружина имени Гайдара,
Подольская средняя школа,
друзья имени Павла Морозова

Мы шествуем над бабушкой. Носим воду, моем полы, мальчики плещут дрова, расчищают снег во дворе. Еще провели соревнования по скоростному спуску с горы на санях. Мальчики ходят у нас в баскетбольную секцию, а дядя с секций нет никаких.

Таня В. и Ира В.,
Челябинская обл., г. Вишневогорск

Дорогой Барабан! Нам на линейке вручили от совхоза цветной телевизор. Этот телевизор подарили за помощь совхозу в уборке картофеля и бройки. А еще мы участвовали в районной игре «Зарница». Команда нашей дружины была одета так: защитного цвета рубашки, брюки, шапки-ушанки. Мы выбрали себе отрядную песню «Орлята учатся летать», а речевка была такая: «Кто шагает дружно в ряд! Наш отряд, отряд орлят! А девиз орлят такой: больше дела, меньше слов. Слушай голоса Барабана! Шадем вперед, вперед шаг, гордо реет стяг багряный, озаренный солнцем флаг!»

Как мы готовились! Шли санитарное снаряжение, учились бегать с противогазом. Разведчик Миша Хромов сделал себе такую удобную планшетку, чтобы носить план местности. А повера наш — Таня и Вася — записали прополсание. Потом поехали в Путиново. Там собрались представители многих школ. И вот началось военно-спортивное эстафета. Мы пришли и финишу вторыми. После наших кавешеры сварили кашу. Мы пригласили сушить, он попробовал кашу и поставил нам пята. Домой мы ехали радостные, а там еще две девочки из товарищеского Пригали вояку! Даже обнимали. Люба Гурькова,
Удмуртия, пос. Уром

В честь дня рождения В. И. Ленина провели трудовую неделю. Посадили 1500 деревьев, собрали 4,5 тонны бумаги. Заработанные деньги отдали на строительство тракторной колонны имени героя-тракториста, нашего земляка, Ангелина Морозова.

Дружина имени Гайдара,
Подольская средняя школа,
Рязанская область

Провели конкурсы: чья улица чище и красивее?

Тимуровцы
Аллеянской восьмилетней
школы, Татарская АССР

ДЖИГИТ

Аслан Калмыков, 12 лет, г. Нальчик

О НАШИХ
ВЗРОСЛЫХ

КАК ДЕДУШКА СЛУШАЛ ЛЕНИНА

Мы живем в Ленинграде. Учимся нормально, на четверки и пятёрки. В нашей семье никто никем не командует, все друг другу помогают и никогда не говорят неправды. Даже если нечаянно сделаешь что-нибудь плохое — тут же сознаешься. Дедушка и бабушка у нас — ветераны партии. Но мы сегодня хотим рассказать о дедушке.

Было это в 1920 году. Комсомольцы полка выбирали делегатов на III съезд комсомола. Обсуждали кандидатуры и тут же голосовали. Кто — «за», поднимал на штыке свою бедуновку. Кто — «против», поднимал винтовку прикладом вверх. Выбрали делегатов и нашего дедушку. Отправился он в Москву на съезд. Но до Москвы не доехал. В это время Врангель начал наступление на юг Украины и создалась угрожающая обстановка. И дедушка вместе с другими бойцами отправился на фронт.

А теперь мы расскажем, как наш дедушка, Алексей Андреевич Брусничкин, первый раз услышал голос Ленина. В полк, где дедушка служил команди-

ром завода, пришло пополнение из Москвы и Петрограда. И один из москвичей привез граммофонную пластинку с речами Ленина. Начали искать граммофон. Но ни в полку, ни в соседних деревнях граммофона не было. И вдруг — радостное известие: граммофон есть... в штабе у белых! Несколько добровольцев под командой дедушки провели дерзкую операцию. Сделали почти невозможное: бесшумно сняли заставу, узнали пароль, переселись в колчаковский форму, напали на штаб, забрали граммофон, важные документы и вернулись живыми и невредимыми.

Белогагарский граммофон работал хорошо. Пластинку Ленина приходили слушать не только бойцы, но и крестьяне из окрестных и даже дальних сел. Потом красные командиры решили: пусть и колчаковцы послушают Ленина. Рано утром граммофон вынесли на берег Тобола и завели... И на следующую ночь в нашем полку появились первые перебежчики с той стороны.

Оля и Лена Тарасовы,
Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ «БАРАБАНА»!

Становись нашим юнкором. «Барабану» нужны твои стихи, рассказы, рисунки, фотографии, карикатуры, юморески. «Барабан» ждет от тебя заметки о пионерской работе, о полезных школьных и нешкольных делах.

Де-то рядом с тобой строится ГЭС, ферма, элеватор, железная дорога, закладываются новый город, поселок или улица. Ты и твои друзья — свидетели, а может быть, и участники этих взрослых дел. Напиши нам о них.

Узнай у своих товарищей, — на какие вопросы они хотят получить ответы в «Барабане».

В конце 1974 года самым активным юнкором будут вручены корреспондентские удостоверения.

Когда надлежит время
Спиронки скоротать.
Появлялись быстро-быстро
Часы, недели, годы.

Алла Фадина,
Молдавия

22 ВЫПУСТ! 00
СНЕРЖЕ - В МАЙСКОМ ВЫПУСКЕ.

НИКТО НЕ ЗНАЛ, ЧТО У НЕГО ДОМА ПЛОХО...

У нас в классе есть парень, Борис Кор. Характер у него такой, что он никому ничего не скажет, хоть ты режь его. И вот он стал плохо учиться, двойки получать. Вызывают на совет отряда: почему да почему? Он молчит. Ах так, молчишь — значит, коллектив не уважаешь! Раз — и выговор на линейке. А Борис взял и ушел прямо с линейки. Два дня в школу не приходил. Тогда только узнали, что у него дома плохо — мама больна, сестренка на руках маленькая, когда уроки учить?.. Сейчас в классе все по-прежнему, как будто ничего не произошло, никто не хочет признать своей ошибки.

Галя Девочкина,
Красноярский край

Оформление Г. Ковенчука

КАК БОРОТЬСЯ?

Как бороться с курением наших пионеров? У нас три пионера курят.

Клава Морщихина,
Минск

ДО ЧЕГО МОДА ДОВЕЛА

Я прочитал заметку «Сидели мы на лавочке» и вот что хочу рассказать. У некоторых мальчиков была мода делать наколки на руках. А тут собрались на экскурсию в Москву. Одному стало стыдно так ехать. Он взял и срезал себе наколки. У него началось заражение. Этого мальчика вылечили. Теперь у нас больше нет такой моды.

Юнкор «Зоркий глаз»

ПРОСТО ОН МОЙ ХОРОШИЙ ДРУГ

Здравствуй, дорогая редакция! Я не знаю, будете ли вы печатать мое письмо, но все же я решила написать вам. Мне четырнадцать лет, зовут меня

Лена. Я дружу с одним мальчиком, мы познакомились давно, и он очень хороший друг. Но однажды случилось вот что. Он позвонил мне и спросил, не пойду ли я с ним в воскресенье в кино. Однако не успела я ответить, как трубку у меняхватила мама. Она закричала в трубку, чтобы он мне больше не звонил. А мне потом сказала, что рано забивать голову кавалерами. Как же так, дорогая редакция, ведь ни о каких кавалерах я не думаю. Просто он мой хороший друг. Мне перед ним теперь ужасно стыдно.

Лена Д.

Юнкор! Сообщай нам, что мешает работать пионерам — в дружке, в отряде, в звене, в зоне пионерского действия.

Рассказывай «Барabanу» о взрослых людях, которые олузуются у тебя и твоих товарищей особым авторитетом, о тех, кого вы любите.

НАЧИНАЕМ КОНКУРС

Присылайте в «Барaban» свои снимки. Фотографировать можно что угодно: природу, людей, животных... Условие одно: снимок должен быть неожиданным, необычным, занятным, редким. Чтобы каждый, кто ни глянет, сказал: «Вот это да!»

Срок конкурса: 1 октября. Мы хотим, чтобы на конкурс попали не только зимние и весенние работы, но и летние. Вернувшись домой после летних каникул, вы успеете проявить пленку и напечатать фотографии.

Удачные снимки «Барaban» будет печатать весь год.

Для начала мы решили поместить

ВОТ ЭТО ДА!

работу Лены Соболевой из фотокружка Ленинградского Дворца пионеров: «Узелок на память...»

Это «узелок» на память нам всем, чтобы всегда уважали естественную жизнь природы.

...Когда дерево было совсем маленьким, какой-то шутник взял и завязал узлом его ствол. К счастью, дерево не погибло, оно растет, хотя расти ему нелегко, трудно. Дерево растет, напоминая нам о силе природы и недопустимой бездумности людской...

Ребята! Кто хочет получить диплом юного фотоохотника?

НАХОДЧИВЫЙ ПАЛОЧНИК

[на стадионе]

- Палочкин, ты за кого болеешь?
- За Иванова.
- Неужели ты думаешь, что Иванов займет первое место?
- А почему бы и нет? Он тренирующийся — каждый день с уроков бежит.

Дорогая редакция, я живу на улице Софьи Перовской, а моя подруга — на улице Желябова. Наши улицы рядом. Я знаю, что это были храбрые революционеры, а больше ничего толком не знаю. Посоветуйте, что почитать.

Надя Свиридова,
Ленинград

Дорогая Надя! В прошлом году в издательстве «Детская литература» вышла книга ленинградского писателя И. Ф. Смольникова «Острее клинка». В этой книге рассказано о жизни и борьбе замечательного русского революционера С. М. Степняка-Кравчинского и его друзей и соратников: Софьи Перовской, Веры Засулич, Андрея Желябова и Степана Халтурина.

Стоит мне повесить нос, я беру портретик Юрия Никулина, и на душе становится весело и хорошо.

Света Тереева,
Одесса

У нас был сильный дождь, а мы на речку шли, за водой. Тогда мы надели на голову ведра и айда домой.

Коля Бесов,
Владимирская область

У нас есть кукольный театр. Про наш театр уже два раза в газету писали. Но это еще цветки, а скоро будут ягодки!

Леня Сомов,
Алтайский край

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА-КАРАКОТА

1.

Второгодник Ромка кричит громко: — Эй, папи, кто крайний? А папаша! Что дают? — импортное или наше?

2.

«ПЕРЕД ВАМИ, ГРАЖДАНЕ, КОТ ЧЕРНЫЙ, НЕОБЫЧАЙНО УЧЕБНЫЙ! ПОЕТ, ИГРАЕТ, ТАНЦУЕТ ТЮСТ, ВЫПИСЫВАЕТ ЖУРНАЛ «ЮНИЙ НАТУРАЛИСТ». АССИСТЕНТЫ — ЧОМА С БРЕМНО — БУДЕМ ЗНАКОМЫ!»

3.

Каракот в ударе — СЕГОДНЯ ОН ВАЛЬС ИГРАЕТ «ОСЕННИЙ СОН». ПОЕТ КАРАКОТ ПРО ЛУНУ И БЕРЕЗЫ, ПУБЛИКА ПОСТАРШЕ РОНЯЕТ СЛЕЗЫ.

4.

ТОВАРИЩ РЕБЁНОК, ТО ЕСТЬ ДЬЯТИ, МЫ ВАШ ЗАРУБЕЖНЫЙ СОСЕДИ. ИМЕТЬ ЛЮТШИЙ В МИРЕ — КАК ЭТО? — ЖВАНКА! За один кот — сто цынка! ДРЮБКА — ДА БОМБА — НЕТ! ХОТЕТЬ ПОКУПАТЬ ВЭЛ, ВЭЛ КЭТ? О, ЭТО ЕСТЬ МЬЯУ-МЬЯУ СУПЕР-ВЭЗ!

5.

«НЕ ОТДАДИМ КАРАКОТА

НИКОГДА!!!»

6.

«ГОСПОДА, ПАРДОН, ВЕРИ ГДА, ДАНКЕ... ЧЕМ ПОМОЧЬ ИНОСТРАНЦУ И ИНОСТРАНКЕ...» ЗАШЕПТАЛИСЬ... А МИМО — ГАЛКА ТИЖОВА — ЗАЛЭ НЕ СЛЫШИШ ОНА НИ СЛОВА.

7.

Тот, кто в школу крадётся в маске, боится, как видно, ОГЛАСКИ...

8.

У КАРАКОТА СПРОСОНЯ ШОК: СХВАЧЕН ЗА ШКЯРКУ, ЗАШКЯРЕН БРШЕН В МЕШОК... ОЧНУЛСЯ...

ОБЩЕПОНЕ — В МАЙСКОМ ВЫПИСКЕ.

НЕДОПЁСОК

ПОВЕСТЬ

Рисунки Т. Капустиной

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОБЕГ

Ранним утром второго ноября со зверофермы «Мшага» бежал недопёсок Наполеон Третий.

Он сбежал не один, а с товарищем — голубым песком за номером сто шестнадцать.

Вообще-то за песцами следили строго, и Прасковьюшка, которая их кормила, всякий раз нарочно проверяла — крепкие ли на клетках крошки. Но в то утро случилась неприятность: директор зверофермы Некрасов лишил Прасковьюшку премии, которая ожидалась к празднику.

— Ты прошлый месяц получала, — сказал Некрасов. — А теперь пускай другие.

— Ах вот как! — ответила Прасковьюшка и задыхнулась. У нее от гнева язык онемел. Но довольно скоро язык этот пришел в себя.

— Себе-то небось премию выдал, — кричала Прасковьюшка, — хоть и прошлый месяц получал! Так пропади ты пропадом раз и навсегда!

Директор Некрасов пропадом, однако, не попал. Он ушел в кабинет и хлопнул дверью.

Рухнула премия. Вместе с нею рухнули богатые предпраздничные планы. Душа Прасковьюшки окаменела, и в жизни видны были теперь два выхода: перейти на другую работу или кинуться в омут, чтоб директор знал, кому премию выдавать.

Равнодушно покормила она песцов, почистила клетки и в сердцах так хлопала дверками, что звери в клетках содрогались. Огорченная до крайности, кляла Прасковьюшка свою судьбу, все глубже уходила в себя и, наконец, ушла так глубоко, что впала в какое-то бессознательное состояние и две клетки забыла запереть.

Подождав, когда она уйдет в теплушку, Наполеон Третий выпрыгнул из клетки и рванул к забору, а за ним последовал изумленный голубой песец за номером сто шестнадцать.

АЛЮМИНИЕВЫЙ ЗВОН

Песцы убежали со зверофермы очень редко, поэтому у Прасковьюшки и мысли такой в го-

лове не было. В голове у нее была премия — двадцать рублей.

Прасковьюшка сидела в теплушке, в которой вдоль стены стояли совковые лопаты, и ругала директора, поминутно называя его Петькой.

— Себе-то премию выдал! — горячилась она. — А женщину с детьми без денег на праздник оставил!

— Где ж у тебя дети? — удивлялась Полинка, молодая работница, только из ремесленного. — У тебя их нету.

— Как это где! — кричала Прасковьюшка. — У сестры трое!

До самого обеда Прасковьюшка честила директора, а другие работницы слушали ее, пили чай и соглашались. Все они премию получили.

Но вот настало время обеда, и по всей звероферме понесся заунывный металлический звон. Это песцы стали «играть на тарелочках» — крутить свои миски-пойлушки.

Миски эти вделаны в решетку клетки так ловко, что одна половина торчит снаружи, а другая внутри. Чтоб покормить зверя, клетку можно и не отпирать. Корм кладут в ту половину, что снаружи, а песец подкручивает миску лапой — и корм въезжает в клетку.

Перед обедом песцы начинают нетерпеливо крутить пойлушки — по всей звероферме разносится алюминиевый звон.

Услыхав этот звон, Прасковьюшка опомнилась и побежала кормить зверей. Скоро добралась она до клетки, где должен был сидеть недопёсок Наполеон Третий.

Прасковьюшка заглянула внутрь, и глаза ее окончательно померкли. Кормовая смесь вывалилась из таза на литые резиновые сапоги.

ХАРАКТЕР ДИРЕКТОРА НЕКРАСОВА

В кабинет директора вбежала Прасковьюшка и застыла на ковре посреди кабинета, прижав таз к груди, как рыцарский щит.

— Петр Ерофеич! — крикнула она. — Наполеон сбежал!

Петр Ерофенч Некрасов вздрогнул и уронил на пол папку с надписью «Наши показатели».

— Куда?

Прасковьюшка дико молчала, выглядывая из-за таза.

Директор Некрасов схватил трубку телефона, поднял над головой, как гантели, а после так ляпнул ею по рогулькам аппарата, что несгораемый шкаф за его спиной сам собою раскрылся. Причем до этого он был заперт абсолютным железным ключом.

— Отвинтил лапкой крючок, — забормотала Прасковьюшка, — и сбежал, а с ним сто шестнадцатый, голубой двухлесток.

— Лапкой? — хрипло повторил директор.

— Коготком, — пугливо пояснила Прасковьюшка, прикрываясь тазом.

Директор Некрасов снял с головы пыжиковую шапку, махнул ею в воздухе, будто прощаясь с кем-то, и вдруг рявкнул:

— Вон отсюда!

Алюминиевый таз брякнул на пол, заныл, застонал и сам собою выкатился из кабинета.

Про директора Некрасова недаром говорили, что он — горячий.

ДАВИЛО

Горячий человек директор Некрасов был тощ и сухопар. Он ходил круглый год в пыжиковой шапке.

На своем посту Некрасов работал давно и хозяйство вел образцово. Всех зверей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Травната, Академик Миллиончиков.

Недопесок Наполеон Третий был важный зверь. И хоть не стал еще настоящим песцом, а был щенком, недопеском, директор его уважал.

Мех Наполеона имел особенный цвет — не белый, не голубой, а такой богатый и незабываемый, для которого название подобрать трудно. Но звероводы все-таки подобрали — «платиновый».

На две вроде бы части делился мех Наполеона, и нижняя — подпушь, была облачного цвета, а сверху покрыли ее темно-серые шерстинки — вуаль. Только мордочка была у Наполеона темной и прямо по носу рассекала ее светлая полоса.

Мех недопеска еще не вышел, но уже сейчас ясно было, что он перешеголяет Наполеона Второго, и директор мечтал вывести новую породу с невиданным прежде мехом — «некрасовским».

Узнав о победе, директор Некрасов и бригадир Филин кинулись к забору. Они мигом пролезли в дырку и сгорая в полуботинках побежали по следу.

— Сколько раз я говорил заделать дырку! — кричал на ходу директор.

— Так ведь, Петр Ерофенч, — жаловался в спину ему Филин, — тёсу нету.

Очень скоро они начерпали в полуботинки снегу и вернулись на ферму. Переобулись, прыгнули в газик и помчались в деревню Ковылкино. Там жил охотник Фрол Ноздрачев, у которого был гончий пес по имени Давило.

Ноздрачева дома не застали.

— Откуда я знаю, где он, — раздраженно ответила жена. — Он мне не докладывает.

— Гони в магазин! — крикнул Некрасов шоферу.

Охотник Фрол Ноздрачев действительно оказался в магазине. Он стоял у прилавка с двумя приятелями и смеялся.

— Товарищ Ноздрачев! — строго сказал директор. — У нас трагедия! Срочно берите вашего кобеля и выходите на след.

Охотник Фрол Ноздрачев лениво поглядел на директора и повернулся к нему левым ухом. Охотник имел свой характер, и характер этот шептал Ноздрачеву, что трагедия директора пока что его не касается. Характер Фрола Ноздрачева любил сидеть в теплом магазине с приятелями.

— Я — человек занятой, — недовольно сказал Ноздрачев. — Поэтому интересно, что я за это буду иметь? Какие привилегии?

— Больше! — ответил Некрасов. — За дело!

Через полчаса русский гончий Давило — огромный широкоплечий пес с печальными глазами — был поставлен на след у забора.

— Давай! Давай! — орал на него Ноздрачев, которому посулили премию.

Давило обнюхал следы, и запах показался ему противным. Жесткий, железный. Нехотя, без голоса, побегал Давило по следу.

СНЕЖНОЕ ПОЛЕ

Пролезши сквозь дыру в заборе, песцы быстро побежали в поле, но уже через десяток шагов остановились. Их напугал снег. Он мешал бежать и холодил пятки.

Это был второй снег нынешней зимы. На поле был он пока неглубок, но все же доходил до брюха коротконогим песцам.

Точно так напугала бы песцов трава. Раньше им вообще не приходилось бегать по земле. Они родились в клетках и только глядели оттуда на землю — на снег и на траву.

Наполеон облизнул лапу — снег оказался сладким.

Совсем другой, не такой, как в клетке, был этот снег. Тот только сыпался и сыпался с неба, пушистыми комками собирался в ячейках железной сетки и пресным был на вкус.

На минутку выглянуло из облаков солнце. Под солнечным светом далеко по всему полю засверкал снег сероватой синевой и лежал спокойно, не шевелился.

И вдруг почувдилось недопеску, что когда-то, давным-давно, точно так же стоял он среди сверкающего поля, облизывал лапы, а потом — даже кувыркался, купался в снегу. Когда это было, он вспомнить не мог, но холодные искры, вспыхивающие под солнцем, вкус снега и свежий, быющий в голову, вольный его запах он помнил точно.

Наполеон лег на бок и робко кувыркнулся, взбивая снежную пыль. Сразу пронизал его приятный холодок, шерсть встала дыбом. Наполеон свернулся в клубок и покотился по полю, напоминая какого-то невиданного ежа.

В мех его набились снежинки, обмыли каждую шерстинку, смыли остатки робости. Легко и весело стало недопеску, он бил по снегу хвостом, раскидывая его во все стороны.

Сто шестнадцатый кувыркаться не стал. Окунул было в снег морду — в нос набились морозные иголки. Сто шестнадцатый зафыркал.

Наполеон отряхнулся, точно дворняжка, вылезающая из ковылкинского пруда, огляделся и, наставивши нос свой точно на север, побегал вперед, через поле, к лесу. Сто шест-

надцатый поспешил за ним, стараясь повыше выпрыгивать из снега.

У стога, который высился на опушке, Наполеон Третий остановился.

Снег был здесь изрыт. На нем отпечатались какие-то звезды, от которых пахло приятно и враждебно. Это были лисьи и песьи следы.

Вдруг под снегом кто-то свистнул в тоненькую костьку.

Недопесок прыгнул, прихлопнул снег лапой и вытащил наружу полевую мышь.

В ЛЕСУ

Мышей у стога оказалось полно. Попискивая, шныряли они в перепревшем сене, и Наполеон гонялся за ними, хлопал по снегу лапами и хвостом.

Сто шестнадцатому тоже хотелось поохотиться на мышей, да больно уж непривычным было такое дело. Вдруг прямо из-под носа выскочила мышь. Сто шестнадцатый схватил ее, проглотил и подпрыгнул от ужаса.

Перепуганные мыши спасались под стог.

Наполеон раскопал в сене пещерку, засунул туда нос. От крепкого сennого запаха закружилась голова. Пахло сено душистыми июльскими грозями, ушедшим летом.

Мыши затаились, и песцы бросили охоту, побежали к опушке леса. Они пересекли березняк и добрались до больших деревьев.

Это были старые елки. На их макушках гроздьями висели зрелые медные шишки. У подножья, куда не навалило еще снега, ярко зеленел мох, а толстые стволы облеплены были серыми звездами лишайника.

Морозной смолой пахли подошвы деревьев, стволы отвесно уходили вверх, сплетались там ветвями и вливались в небо высоко над головой.

Вдруг сверху послышался тревожный и сильный стук. В красном грозовом шлеме на осине сидел черный дятел, бил в осину головой. Заметив песцов, он крикнул пронзительно, расставил в воздухе бесшумные крылья, нырнул в еловый сумрак.

На крик его прилетела сорока.

— Страх-страх! — сварливо закричала она.

Наполеон коротко твякнул в ответ, угрожающе взмахнул хвостом. Но сороку это только раззадорило. С дерева на дерево передетала она над песцами и кричала на весь лес, дескать, вот они, беглецы со зверофермы, лови их, держи!

Под крик сороки песцы выскочили на вырубку, заваленную ломаными березками, выкорчеванными пнями. Здесь под кучей еловых веток спал заяц-беляк. Он гулял-жировал всю ночь и спал теперь крепко и спокойно.

Шорох снега и сорочий крик разбудили его. Длинноухий, с выпученными глазами, он с треском выскочил из-под веток, прямо перед носом Наполеона, и пошел сигать по вырубке, перепрыгивая пеньки.

Песцы замерли от ужаса, а потом дунули в другую сторону.

Сорока растерялась. Не смогла сообразить, что теперь делать, за кем лететь, над кем трещать. Она раздраженно уселась на ветку козьей ивы, закутила зеленой головой. Настрое-ние у нее совсем испортилось.

Неподалеку, под елками, вдруг зашуршал снег, послышалось сопенье, и на вырубку выбежал гончий Давило. Он равнодушно глянул на сороку, добежал до заячьего следа и тут оживился. Фыркнул вправо, влево, а после засунул нос свой, похожий чем-то на кошелек, прямо под кучу еловых веток.

Задражал от радости собачий хвост, и вылетели песцы из его гончей горячей головы.

Давило рывкнул басом и побежал по новому следу, с удовольствием вдыхая сладкий заячий запах.

Загремел голос Давилы под сводами елок — звонкой цепью потянулся по лесу, отмечая путь зайца. Недолго тянулась эта цепь, дошла до опушки, заглохла на минутку и тут на конце ее, как двойной колокол, ударил гром.

Сорока слетела с козьей ивы и низом-низом, незаметно, быстро и неторопливо, как это умеют только сороки, скрылась из глаз.

КТО СТРЕЛЯЛ?

— Что такое! Что еще такое?! Кто стрелял? Близкий, неожиданный выстрел ошеломил директора Некрасова, пыжиковая шапка вздрогнула на голове.

Директор стоял на опушке леса в высоких чехословацких сапогах-броднях, а на руках его были дворничье рукавицы — хватать в случае чего песцов. Выстрела директор не ожи-

дал. Ноздрачеву стрелять было запрещено — Наполеон нужен был живым.

— Кто стрелял?! Кто стрелял, я вас спрашиваю?.. — грозно повторил директор.

— Ясно кто, — угромо ответил бригадир Филин, который шевелился неподалеку в кустах, стараясь замаскироваться. — Обормот Ноздрачев.

Из лесу выскочил Давило. Он был радостно

возбужден, шоколадные глаза его налились кровью.

— Ноздрачев! — сурово крикнул директор. — Это ты стрелял?

— Да я тут косого зашиб, — послышался низкий, идущий из самой глубины души голос.

Скоро и сам Ноздрачев вывалился из ельника. От него валил азартный охотничий пар, глаза бегали по сторонам и точно, как у Давиды, налились кровью. Заяц, который всю ночь гулял-жировал, болтался теперь у пояса. За три шага пахло от Ноздрачева кислым бездымным порохом «Фазан».

— Токо выхожу на просек, — возбужденно стал объяснять Ноздрачев, — косой чешет. — Я — рраз через осинки...

— Где песцы?

— А пес их знает, — растерялся охотник. — Наверно, круги делают.

Директор Некрасов всего секунду глядел на охотника Фрола Ноздрачева, но и за эту секунду взглядом успел многое сказать. Опра-

вивши пыжиковую шапку, директор повернулся к охотнику спиной и твердо направился обратно на звероферму.

— Погоди, погоди, — вслед ему сказал Ноздрачев. — Не волнуйся. Сейчас догоним. Я тут все кругом знаю, не уйду.

Директор молчал, охотник Фрол Ноздрачев перестал для него существовать.

— Возьми хоть зайчишку, — сказал Ноздрачев. — Хозяйке в подарок!

Директор не отвечал, а бригадир Филин взвесил зайца за уши и, сказавши «жидковат», пустился догонять начальство.

— Эй, а как же премия? — вдогонку им закричал Ноздрачев.

Звероводы даже не обернулись. По снежному полю уходили они от охотника и вместе с ними уходила премия.

Тут вспыхнул охотник Фрол Ноздрачев, и по лицу его пошли багровые полосы, похожие на северное сияние. Проснулся вдруг характер охотника, на время усыпленный премией. Вспышки сияния никто, правда, не видел, зато услышали директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами.

— Не волнуйтесь, Петр Ерофеич, — говорил тем временем Филин, догоняя директора. — Побегают, жрать захотят — сами вернуться.

— А если кто-нибудь прихлопнет Наполеона? — спросил директор. — Что тогда?

— Вот это вопрос! — подтвердил Филин. — Что же делать?

Директор закурил, напускал дыму в темнеющее небо.

— Надо попробовать Маркиза, — сказал он.

ВЕРЕЯ

Серый денек еще посерел, сгустились на небе облака, предвечерний ветер погнал их на юг.

К вечеру оказались беглецы в глухом овраге, на дне которого медленно замерзал черный ручеек. По оврагу, по оврагу, вверх по ручью добежали они до лесного холма-верей.

Здесь на склонах верей были барсучьи горы. Барсучки селились на холме с давних времен, насковзь пронизали его норами.

Приближающаяся ночь тревожила Наполеона, хотелось спрятаться от ветра, нагоняющего поземку. По можжевелевому склону поднялись песцы на вершину и заметили в корнях елки темную пещеру. Наполеон обнюхал снег вокруг нее, засунул внутрь голову.

Из пещеры пахло сухим песком, смолистыми еловыми корнями. Это была барсучья нора, давно заброшенная хозяевами. Корни, которые сплетали ее потолок, медленно росли, шевелились и постепенно завалили ходы, ведущие внутрь верей.

На улице становилось все темней. Наполеон залез в пещеру, за ним — сто шестнадцатый. Вдвоем здесь было тесновато.

Сто шестнадцатый забился в угол, а недопесок свернулся колом у входа, выставил наружу морду и глянул сверху на лес.

Ого, как высоко забрались они! Далеко видны были темные леса, робкие деревенские огоньки за лесами, сизая над огоньками пелена. И совсем уж далеко, как маленький грибок, видна была кирпичная водокачка, отмечающая над деревьями звероферму «Мшага».

Темнело, темнело.

Зафыркал кто-то внизу, забурчал. Это выходили на охоту барсуки. Они спустились по склону вниз, пропали в овраге.

Стало совсем тихо, откуда-то, наверно, из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос:

— ...Гайки не забудь завинтить...

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, завинтили их или нет.

БАРСУЧЬЯ НОЧЬ

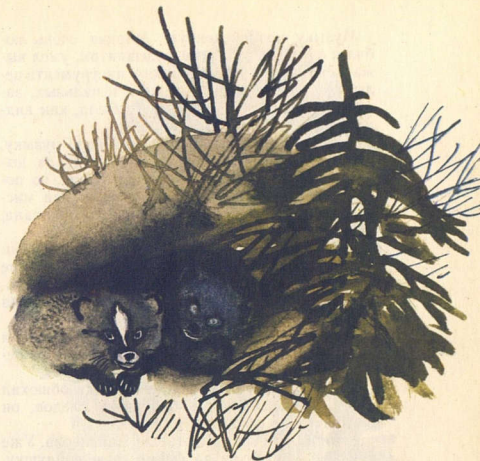
Всю ночь в овраге под вереей возились барсуки.

Это была последняя, как видно, барсучья ночь перед зимней спячкой.

Ворчанье барсуков тревожило Наполеона, он никак не мог заснуть, то и дело открывал глаза, готовясь встретить незнакомого врага. Один ворчун, самый старый и такой седой, что даже полоски на носу его посветлели, подошел к пещере, в которой спали песцы.

Наполеон каркнул на него, как ворон, красным цветом блеснули из пещеры его глаза.

Уж на что стар был барсук, а не смог разобратъ, что за зверь перед ним — то ли пес, то ли лис, кто его разберет? Старик решил с ним не связываться, скатился в овраг, презри-

тельно что-то бормоча. Он долго еще бубнил себе под нос, бранил Наполеона.

И следы, собственные следы на снегу тревожили недопеска. Они были частью его самого, тянулись по лесам и оврагам, словно гигантский хвост. Вот кто-то потянет за этот хвост и притащит недопеска обратно на звероферму «Мшага».

Перед рассветом протопали барсуки по оврагу в последний раз, сопя и кряхтя залезли спать в свои норы. И как только самый старый барсук улегся — над далекими лесами протянулась брусничная полоса рассвета.

Из оврага тем временем послышалось короткое тьяканье, шорох увядавших трав, припорошенных снегом. Кто-то бежал по следу песцов.

Вот прохрустел сухим дудником у ручья и стал подниматься вверх. Наполеон ошетинился.

Вздрогнул, зашевелился куст можжевельника — и низенький, рыжеватый зверь выскочил прямо к пещере. Увидевши Наполеона, он миролюбиво заскулил.

Это был самый старый песец со зверофермы, которого звали Маркиз.

МАРКИЗ

Наполеон хорошо знал этого рыжеватого Маркиза.

Маркиз жил в клетке напротив и с утра до вечера дремал, накрывши нос пыльным хвостом. Он никогда не метался по клетке, как другие песцы, и не грыз решетку. Целыми днями он мудро спал, а просыпался только лишь для того, чтобы покрутить пойлушку.

Музыку предобеденную Маркиз очень любил и сам был неплохим музыкантом, умел играть из своего незатейливого инструмента целый набор ликующих, а то и печальных, задумчивых звуков. Душа у него была, как видно, тонкая, артистическая.

Недопесок терпеть не мог железную музыку. От визга пойлушек шерсть его вставала дыбом, он лаял, стараясь заглушить звон, но почему-то против воли и сам подкручивал миску — не хотел, а она притягивала, заманивала, заучивно крутясь.

Появление Маркиза на барсучьей горе ни капли не удивило Наполеона. Он даже и не задумался, откуда здесь взялся Маркиз, которому полагалось дремать в данный момент на звероферме.

Маркиз тем временем обнюхал Наполеона и сто шестнадцатого, который тоже вылез из пещеры, утомленно зевая.

И вход в пещеру, и подножье елки обнюхал Маркиз. Нанюхавшись барсучьих следов, он презрительно фыркнул.

Маркиз был гораздо старше Наполеона. Уже пять лет крутил он на ферме свою пойлушку. Он был старше, сильнее и властно прохаживался теперь по вершине холма и поглядывал на беглецов.

Маленьким серым носиком обвел Маркиз голубые горизонты и нацелил нос точно на водокачку, отмечающую над лесами звероферму «Мшага».

Недопеску это не понравилось. Он также оглядел горизонты, направил свой нос точно на север и, не раздумывая, стал спускаться с холма, но уже не в овраг, а в другую сторону, к сосновому лесу. Сто шестнадцатый, который в споре участия не принимал, потоптался безвольно на месте и потянулся за Наполеоном.

Маркиз, однако, ни на секунду не растерялся, в три прыжка обогнал Наполеона, клацнул зубами у его уха, оттер плечом и возглавил бег. По силе, по возрасту, по всем правам Маркиз должен был стать вожакom. И в этот спор сто шестнадцатый решил не вмешиваться, он бежал последним, и легко ему было на проложженных следах.

Скоро осталась позади барсучья веревя — поднялся над песцами бор, такой дремучий, что даже и синиц здесь не было. Седобородый глухарь заметил беглецов. Но даже не пошевелился в своем еловом шатре, хоть и невзданными показались мудрецу бегущие звери — рыжеватый Маркиз, платиновый Наполеон и голубой сто шестнадцатый.

С полчаса бежал Маркиз точно на север. Он не оглядывался на своих спутников и не останавливался, уверенно перепрыгивал поваленные деревья, пересекал лесосеки и просеки.

Третий раз в своей жизни оказался Маркиз на свободе.

В первый раз, точно, как Наполеон, сбежал он и три дня мыкался по лесам. Голодный и ободраный вернулся Маркиз на ферму. Через год сбежал другой песец по имени Рис-

линг. Дело было летом, следов никаких не было, и Рислинг не могли найти. Тогда-то директор Некрасов придумал послать вдвогонку Маркиза. Директор понимал, что Маркиз, хлебнувший свободной жизни, обязательно вернется на ферму. И верно, Маркиз вернулся через два часа, а за ним бежал измученный Рислинг.

Сегодня Маркиз попал на свободу в третий раз, но никогда еще так далеко в лес он не забирался. И сам он, когда был беглецом, и Рислинг крутились рядом с фермой, таясь в кустах, слушали предобеденный звон.

Маркиз по-прежнему бежал на север, но чувствовал, что пора уж поворачивать на юг. Огибая бурелом, выискивая будто бы лучшую дорогу, потихоньку, незаметно он загибал, загибал вправо и в конце концов обвел беглецов вокруг верев, поставил их к северу хвостом.

Наполеон понял, что Маркиз вялает дурака, но очень уж уверенно вел его вожак, а сзади поторапливал сто шестнадцатый, который ни в чем не сомневался.

Кончился сосновый бор, пошли перелески, осинники и неожиданно небо раскрылось над головой и прямо перед ними легло широкое, белое поле. А за полем — дощатый забор, редкие елки с обрубленными до самых макушек сучками и между ними огромный кирпичный гриб — водокачка, отмечающая над черными лесами звероферму «Мшага».

Близко, совсем близко послышалось твяканье песцов, кислый запах мерзлой кормовой смеси и пронзительный родной звук — песцы играли на тарелочках.

СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ РАЗРЫВАЕТСЯ НА ЧАСТИ

У дырки в заборе Маркиз остановился. Он обернулся к спутникам, ириво вильнул хвостом в сторону зверофермы — давайте, мол, вернемся, ребята, пожрем, выспимся, а там видно будет.

Сто шестнадцатый сразу обрадовался, запрыгал восторженно вокруг Маркиза, ударил по воздуху лапой, будто крутил пойлушку. Устал сто шестнадцатый голубой двухлеток от этой бестолковой беготни и чувствовал себя

сейчас путешественником, который после долгих странствий вернулся домой.

Звон, запах, голоса разбредили Наполеона. Поник вдруг Наполеон, и мех его платиновый обвис, обмяк, потускнел. Отчего же так получилось, откуда снова взялась звероферма?

Выходила какая-то ерунда: бежишь, бежишь, а все без толку. Куда ни кинь — звероферма. Задумался недопесок Наполеон Третий, сел по-собачьи в снег.

Ни капли не похож был он сейчас на гордого недопеска, похож он был на дворняжку, которую хозяин пнул сапогом, чтоб не вертелась под ногами.

Маркиз подскочил к Наполеону, весело куснул его за ухо и попятился к дырке в заборе. Сто шестнадцатый потянулся за ним. Когда уже голова Маркиза скрылась в щели забора, Наполеон жалобно тывкнул. Маркиз остановился. Оглянулся удивленно сто шестнадцатый.

В этот момент принял недопесок решение, тряхнул императорской головой и на глазах превратился из побитой собачки в настоящего пса. Платиновым своим бесценным хвостом повернулся Наполеон к звероферме, а нос раз и навсегда установил точно на север и побежал потихоньку обратно по своим следам.

Сто шестнадцатый растерялся. Душа его разрывалась на части. С одной стороны, хотелось пожать и выспаться. С другой — тянул

за собой недопесок, убегающий в открытое поле.

О недопесок Наполеон Третий!
Круглые уши, платиновый мех!

Ваша величественная черная морда обращена точно на север, и, как стрелка компаса, расклевала ее ото лба до носа белая сверкающая полоса!

Прекрасен, о Наполеон, ваш хвост — легкий, как тополиный пух, теплый, как гагачий, и скромный, как пух одуванчика. Одним только лишь этим хвостом укутай свою шею и валия хоть на Северный полюс.

Виновато заскулил сто шестнадцатый, извиняясь перед Маркизом и, как собачка за хозяином, потрусил через поле вслед за Наполеоном Третьим.

Маркиз не ожидал такого оборота дела. Он хотел было догнать беглецов, поворотить, но уж сам приустал и боялся опоздать к обеду. Маркиз тоскливо завыл им вслед.

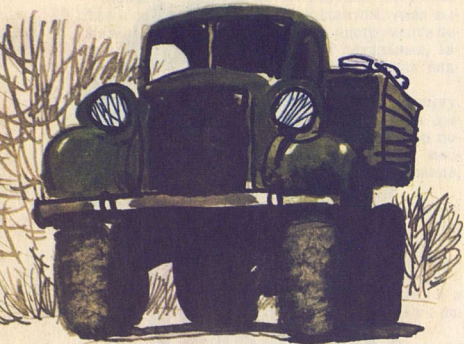
На краю поля псы остановились глянуть последний раз на Маркиза. Как маленькое рыжее пятнышко виден был Маркиз — на светлом снегу, перед шербатым забором, из-за которого тянулся запах кормовой смеси и слышался алюминиевый звон.

СЕРАЯ ЛИСА

Псы пересекли поле и попали на проселочную дорогу. Снег смешался здесь с грязью и песком, получился какой-то желтый кисель, но бежать было все-таки легче. Дорога шла точно на север, и Наполеону нравилось, что на ней почти не остается следов.

Псы долго бежали по дороге, с отвращением вдыхая запах бензина.

Вдруг где-то сзади послышался чудовищный рев.

Громяхая пустыми молочными бидонами, скривля и визжа тормозами, их догоняла грузовая машина «ЗИЛ».

Недопесок прыгнул в кювет, затаился, а сто шестнадцатый припал к земле и накрыл голову лапами.

Машина остановилась.

Шофер Шамов с изумлением глядел на пушистого зверя, пыльным пластом лежащего на дороге. Из кабины видно было, как шевелит ветерок жемчужный мех.

«Серая лиса! — подумал Шамов. — Что делать?»

Он бестолково стал шарить под сиденьем, в поисках какого-нибудь оружия, которым можно было бы подшибить серую лису.

«Садану гаечным ключом», — торопливо подумал он. — Скорей, а то убежит».

Он вытащил из-под сиденья гаечный ключ, высунил из кабины и швырнул ключ изо всех сил. Но слишком много надежды вложил он в свой бросок — гаечный ключ раскорякой запрыгал по дороге.

«Перелет!» — огорченно подумал Шамов.

Больше гаечных ключей у него не было. Была отвертка, но для охоты на лису она не годилась.

Волнуясь, он скинул телогрейку, вылез из кабины. Развернул телогрейку, как огромное промащенное крыло, и стал подкрадываться к сто шестнадцатому.

Сердце у шофера билось отчаянно, боясь упустить такую редкую добычу. Но еще отчаянней стучало сердце сто шестнадцатого.

Не доходя двух шагов, Шамов прыгнул и покрыл песка телогрейкой, прижал коленом к земле.

Сто шестнадцатый не дергался и не кусался. Он потрясенно смотрел на шофера Шамова и не мог понять, что же это такое.

— Серую лису поймал! Серую лису поймал! — закричал Шамов. Уши у него пылали от радости. Шапка подскакивала на голове.

Он скинул брючный ремень, связал сто шестнадцатого и хотел было прихлопнуть его гаечным ключом, но вдруг подумал:

«Да это ведь не лиса! Это, наверно, зверь со зверофермы».

Тут в голове Шамова началась сложная работа: что делать — то ли прихлопнуть добычу ключом и затанить шкуру дома, то ли везти на звероферму как государственную собственность?

Лениво нажал он на педаль, поворотил грузовик к звероферме.

— Эй, тетка! — крикнул он сторожихе у ворот. — Где у вас начальник? Я тут какого-то зверя поймал. Не вашего ли выводка?

Сторожиха глянула в кабину, ахнула, засвистела в милицейский свисток. И тут началась кутерьма. Прибежал Некрасов, прибежал бригадир Филин, они хлопали Шамова по плечам, тащили его в кабинет, расспрашивали, где и как, и не выдал ли он Наполеона Третьего. Потом выдали ему премию — двадцать рублей.

Да, повезло шоферу Шамову. Не искал он в жизни никаких чудес, сроду не гонялся за синой птицей и вдруг — серую лису поймал.

С тех пор шофер Шамов, катаясь по дорогам, всегда зорко глядел по сторонам и нарочно имел в запасе несколько гаечных ключей.

Но больше никогда в жизни серая лиса ему не попадалась.

КОЛПАКИ И КОЛЕСА

Когда грохот машины заглух, недопесок вылез из кювета и обнюхал место, где лежал сто шестнадцатый. Куда девался его спутник, Наполеон не понял, но с дороги решил поскорей убратся.

Пока он соображал — из-за поворота вынеслись два мотоциклиста. Они были в оранжевых колпаках, которые страшно горели над пасмурной землей.

— Смотри! — заорал первый мотоциклист. — Какой-то зверь! Сшибем его!

Второй не расслышал ничего за ревом мотора, а только весело махнул рукой и напра-

вил мотоцикл прямо на беглеца, стоящего посреди дороги. В последний момент Наполеон отпрыгнул в сторону — мотоциклы промчались мимо.

Не понимая ничего, потеряв от ужаса голову, Наполеон спрятался в кювет, упал на землю и закрыл глаза.

Оранжевые колпаки заглушили моторы, слезли с мотоциклов и стали подкрадываться, растопырив длинные руки в зазубренных перчатках, похожих на огромных бабочек.

Недopesок высочил из кювета, побежал через поле в сторону от дороги.

— Догоняй! Уйдет! — закричали друг другу колпаки, завели свои моторы и дунули вдогонку. По корявому полю ехать им было трудно — мотоциклы с ревом подпрыгивали на мерзлых кочках, визжали в них стальные шестеренки, снежная грязь фонтаном била из-под колес.

Вправо, влево кидался недopesок, то бежал изо всех сил, то припадал к земле, стараясь спрятаться от этого ужаса и рева, разрывающего уши. Всякий раз, как мотоциклы догоняли его — Наполеону удавалось увернуться или отпрыгнуть в сторону. Оранжевые колпаки злились и хохотали. Наконец, один из них неловко поворотил — мотоцикл грохнулся набок. Второй зацепился колесом, подпрыгнул и вылетел из седла — заварилась на поле грохочущая каша из колес и колпаков.

Страшная зазубренная перчатка соскочила с руки мотоциклиста и вдруг подползла к Наполеону. Наполеон зарычал, укусил перчатку изо всех сил.

С перчаткой в зубах он побежал к дороге и увидел, что под нею проложена какая-то труба. Недopesок нырнул в трубу и затаялся.

БОЙ С ДВОРНЯЖКАМИ

Наполеон сидел в трубе и слушал, как ругались мотоциклисты, вытаскивая на дорогу своих ревущих коньков-горбунков. Они долго не уезжали, что-то подкручивали, подтягивали, стучали ключами.

Искусанная мотоциклетная перчатка жалобно попискивала в зубах Наполеона, звала, наверно, хозяина.

Когда колпаки, наконец, уехали, недopesок вылез из трубы и побежал вперед, на север. Перчатку мотоциклетную он держал в зубах, не решаясь почему-то отпустить ее на волю. Перчатка слабо трепыхалась в такт его шагам.

Теперь недopesок бежал не по дороге, а вдоль нее и, слышав машину, сразу прятался за какой-нибудь кочкой.

Поле пошло наклон, опустилось в овраг. За оврагом лежала деревня Ковылкино.

Недopesок добежал до забора, не раздумывая, нырнул в дыру и увидел другой забор и снова пролез через щель. Но не успел он пробежать и десятка шагов, как опять наткнулся на глухой забор.

Недopesок побежал было назад, потом — в сторону, но всюду вокруг него были заборы и горбатые дома.

Неожиданно выбежал он к деревенскому магазину.

Уже стемнело. Над дверью магазина зажглась электрическая лампа. Поднялся ветер, и лампа со скрипом раскачивалась на проводе под железным колпаком.

У крыльца стояла желтая дворняжка Дамка. Она поджидала своего хозяина, который битый час торчал в магазине.

Увидев недопеска, Дамка злобно оскалилась и зарычала. Тут же из-под крыльца выскочила вторая дворняжка. Эта вторая была низенькая, ростом с полтабуретки, и напоминала чем-то поросенка.

Недопесок перепугался, попятился назад, но Дамка стремительно кинулась к нему, разинула острозубую пасть. Наполеон махнул головой — и мотоциклетная перчатка, как большая противная жаба, прыгнула Дамке в глаза. От ужаса Дамка пала на землю, а перчатка усеялась на нее верхом.

Но тут к Наполеону подскакала Полтабуретка, отвратительно затыкала и схватила его зубами за шиворот. Мех набился ей в пасть. Она вырвала клоч, стала отплевываться и тут же завопила во все горло, потому что Наполеон впился острыми когтями ей в морду и потряс хорошенько.

— Наших бьют! — кричала Полтабуретка.

Со всей деревни к магазину стали сбегаться собаки, и скоро у крыльца закипела чудовищная свара.

На шум из магазина выскочил какой-то головастый человек в резиновых сапогах.

— Ку! — заорал он, расталкивая собак сапогами. — Провались! Провались!

Дворняжки разбежались. Недопесок остался лежать на земле, рядом с ним валялась на снегу изжеванная мотоциклетная перчатка.

Головастый поднял ее, примерил, и она впопыхам пришла по левой руке.

— Какая дурацкая варежка! Неуж из-за нее псы грызутся? — сказал человек и поглядел по сторонам: не видно ли где второй перчатки?

Этот человек был плотник Меринов.

ХОРОШИЙ ПЛОТНИК МЕРИНОВ

Меринов считался в деревне хорошим плотником.

Он умел рубить избы, баньки, выстругивал ульи для пчел, делал березовые табуретки. Кроме того, он был ложечник, вырезал деревянные ложки, разукрашивал их цветами и птицами, а после возил на базар.

Разглядевши недопеска, Меринов понял, что перед ним щенок.

«Английский шпиц, — подумал он. — Наверно, его дачники бросили».

Плотник Меринов в собаках мало разбирался и вообще не имел к ним сердца. Во дворе у него жила собака Пальма, но на эту Пальму плотник и вовсе внимания не обращал.

Потолкавши сапогом английского, как он думал, шпица, Меринов хотел идти домой, но шпиц застонал, как раненый, уткнулся в плотнический резиновый сапог.

Потерял Наполеон былую свою красоту и был похож теперь на ободранного щенка, в котором нет ни толку, ни породы. Грязными клочьями торчал драгоценный мех, свалился колтунами. И, глядя на него, никто бы, конечно, не мог подумать, что такие неважные звери выращиваются на зверофермах.

— Ладно, — сказал плотник. — Сейчас я тебя продам.

Он взял шпица за шкурку, будто котенка, и понес его в магазин.

В магазине было шумно, народ толпился у прилавка, а на ящике с макаронами в уголке дремал охотник Фрол Ноздрачев.

— Кому щенка! — закричал плотник. — Английский шпиц! Его дачники бросили! Дрессированная собачка! Кушает конфеты «Озеро Рича»!

В магазине засмеялись, зашумели. Продавщица Ася крикнула:

— Иди домой! Надо нам твоего щенка!

Охотник Фрол Ноздрачев приоткрыл туманные свои глаза, глянул на щенка, но не увидел ничего, кроме грязи и клочьев.

— Этот шпиц не чистокровный, — пробормотал он, — у него хвост лисий. Брось его.

Плотник Меринов покричал еще, предлагая для смеху свой товар, потом купил махорки-крупки и пошел из магазина. Выйдя на крыльцо, он кинул недопеска в снег, а следом за ним и перчатку.

Наполеон Третий немного пришел в себя. Схвативши мотоциклетную перчатку, недопесок побежал потихоньку следом за плотником.

ПАЛЬМА

Со звоном топя сапогами по мерзлой земле, плотник Меринов подошел к своему забору и остановился, докуривая сигарку. Хозяйка у него была строга, дома курить не велела.

А плотник хозяйку свою уважал. Он постоял у забора, поныхтел дымом. Из цигарки сыпались на землю махорочные звезды.

Затоптав огонь, плотник распахнул калитку, пошел к дому. И в этот момент решила вдруг судьба Наполеона. Он прошмыгнул в калитку следом за плотником, и зачем он это сделал, объяснить невозможно. Только лишь одно знал Наполеон: калитка точно ведет на север.

Она захлопнулась за спиной, и деревянный стук напугал Наполеона. Он повернул обратно на юг, хотел подлезть под калитку, но плотник был человек добросовестный, соорудил особый порожек, чтоб не лезла на двор случайная тварь или хотя бы кошка.

На крыльце открылась дверь, на улицу бlesнуло электрическим светом и донесся на редкость приятный, сытный и жирный запах. Это хозяйка вынимала из печки вечерние щи.

Добротный двор был у плотника Меринова. Дом он срубил из толстых сосновых бревен, наличники на окнах разукрасил травяным узором. Под окнами росли коренастые вишни-шубинки. Сбоку от дома был сарай, в котором тепло шевелилась мериновская корова Боря. У сарая стояли козлы и собачья конура, покрашенная толем.

Из конуры вылезла толстая рябая псина. Она зевнула и, приметив недопеска, лениво гавкнула.

Это и была Пальма.

Она походила на сосновый чурбак, укутанный войлоком, а на голове у ней росли развесистые уши, которые и придавали сходство с пальмой в кадшке.

Большим и мокрым, розовым даже в темноте носом обнюхала Пальма воздух и вобрала сразу все запахи, которые имелись в нем: вечерних щей, мотоциклетной перчатки, Наполеона Третьего, и даже запах луны, выскочившей на минуту из холодного облака.

Запах недопеска Пальме не понравился, очень он был жесткий, жестяной. Но в то же время не вызвал особого разочарования. «Что подопалеть, — наверно, добродушно подумала Пальма. — Бывают и такие запахи. Беда велика. Главное — сердце, душа».

Потряхивая своими тропическими ушами, подошла Пальма к недопеску. Он тут же упал на спину, выставив отросшие в клетке когти. Но Пальма не обратила на них внимания. Она высунула крупнейший язык, который был ей явно не по росту, и лизнула Наполеона. Теплым-теплым, добродушным был этот язык. Сравнить его можно было только лишь с корытом, в котором мамы купают своих младенцев.

Вцепиться в такой язык недопесок никак не мог. Он заскулил, подставляя Пальме живот и платиновые бока и в один миг превратился из Наполеона в обычного щенка.

Пальма облизала как следует Наполеона и его перчатку и решила, что запах стал попрличнее. Она подтолкнула недопеска к конуре.

Пальма была вообще-то добродушная хозяйка. Под конурой у ней припрятаны были разные кусочки и огрызки, и, раскопавши кое-что из своих припасов, Пальма принялась угощать Наполеона.

Урча, накинудся он на хлебные корки и петушинные головы, а Пальма похаживала вокруг него, ласково ворчала, потчевала.

Да, Пальма была радушная хозяйка, и если б у нее в конуре был самоварчик, она, конечно, раскопегарила бы его.

НОЧЬ В КОНУРЕ

Сгустившись, сумерки превратились в темноту, и сразу со всех сторон навалилась ночь на ковылинскую землю. Не поймешь, откуда она взялась: опустилась ли с неба или поднялась из глухих оврагов, заросших дудником, из барсучьих пещер.

К полуночи ударил мороз, и вокруг луны, которая вышла из сизых облаков, засияла голубая радуга. Эта ночная холодная радуга нагнала на деревенских псов волчью тоску, и дружно залаляли они и завывали, глядя на луну.

Свет луны опечалил и Пальму, она тоже завывала, поддерживая своих односельчан. Голос ее, теплый вначале и бархатный, подымался все выше, выше, растерял по дороге теплоту и бархат и уже тянулся к луне тонкою шелковой нитью.

Голос Пальмы растревожил Наполеона; вспомнились хриплые крики песцов, голоса работниц, алюминиевый звон. Глядя исподлобья на луну, он хотел подхватить, подвить деревенским дворняжкам, но ничего не получилось — из горла его вырвалось лишь тьяканье, похожее на хриплый кашель. Никак не вязался этот простуженный звук с домашним со-

бачьим воем, и не нужен был он в ночном деревенском хоре, как не нужен был здесь, в деревне, и сам Наполеон, чудной зверь — ни дикий, ни домашний — искусственный, выведенный человеком.

Под вой собак заполз Наполеон к Пальме в конуру, понимая, наверно, что здесь его никто не тронет, ни дворянжки, ни мотоциклисты, забилась в самый дальний угол, зарылся в какие-то жаркие тряпки и задремал. Перчатку мотоциклетную взял он с собою, потому что стала она совсем ручной.

На небо набежала глубокая снежная туча, закрыла луну. И разом смолкли деревенские псы, загремели цепями, укладываясь спать. Только Пальма лаяла долго, пока не погас свет в окнах мериновского дома.

Пальма забралась в конуру, притиснула Наполеона к стенке. От нее исходил такой мощный жар, что Наполеон задохнулся, задержался, не просыпаясь, установил нос свой точно на север и обнаружил щель в стенке конуры. Он приник к ней носом и успокоился. Из щели тянуло холодом, пахло снегом, падающим с неба.

Заснул недопесок Наполеон Третий и, пожалуй, никогда прежде не спалось ему так спокойно, как в эту ночь, под защитой горячей и добродушной Пальмы. Снились ему длинные ряды клеток, Маркиз, крутящийся миску, и сто шестнадцатый, который ничком лежит на дороге.

БОЛЬШАЯ ВЕРА МЕРИНОВА

К утру повалил снег, да такой густой, что плотник встал пораньше — расчищать дорожки деревянной лопатой.

Пальма вылезла из конуры и зевнула на него. За Пальмой вылез английский шпицок и тоже принялся зевать и потягиваться.

— Ку! — заорал плотник, изумленно глядя на него. — Шпиц английский! Тебя тут не хватало! Гостинец! Эй, Верунь, глянь, я тебе подарок принес!

На крыльцо вышла дочка плотника Вера, большая девочка, которая училась во втором классе. По росту Вера догоняла своего папашу, а на плечах у ней лежала прочно сплетенная коса потолще корабельного каната.

— Это что за типчик? — спросила Вера, глянув на недопеска. — Папаны, ты зачем шутики шутишь?

— Это, Верунь, английский шпицок, — ответил плотник, который кстати и дочку свою слегка побаивался, потому что она была строга. — Его дачники бросили, а я пожалел.

— Разве это собака? Смотри, какой хвост, и морда лисья.

— Может быть, это помесь собаки с лисой, — неуверенно рассудил плотник.

Мамаша Меримова Клавдия Ефимовна, обширная, как копна сена, вышла на крыльцо с полотенцем в руках. Как и у Веры, на пле-

чах мамаша лежала коса, куда, правда, тоньше, чем у дочери. Клавдия Ефимовна работала в колхозе счетоводом, а два года назад была с председателем на звероферме, видала и песцов и чернобурых лис. Она сразу поняла, кто такой сидит на снегу у конуры.

— Песец, — сказала она. — Это с фермы беглец.

— Я его вчера у магазина от собак отбил, — хвастливо сказал плотник.

— А что это, интересно, ты делал у магазина? — строго спросила Клавдия Ефимовна.

— Какой мех красивый, — говорила Вера. — Мам, налей ему щей.

— Нечего зверей прикармливать. Пускай съедет на велосипед да отвезет его на ферму.

— Не надо его на ферму, мам, — сказала Вера. — Пускай он у нас поживет. Будет как собачка. Давай мы его пригреем.

— Куда я, Клав, теперь поеду, — поддержал Веру плотник. — Разве я проеду по такому снегу? К тому же задняя ось, похоже, треснула.

— У тебя, я знаю, где треснуло, — сказала мамаша Меринова, недовольно поглядевши плотнику в глаза. — Ты скажи-ка лучше, что это ты у магазина делал?

Плотник Меринов смешался, закашлялся, вытаскивал из-под крыльца какую-то веревку и пошел за калитку, сказавши загадочно:

— Схожу за жердями.

ВЧЕРАШНИЕ ЦИ

Осторожно по шерсти попробовала Вера погладить недопеска. Он сжался и, насупнявшись, поглядел куда-то за забор. Легкие прикосновения человеческой руки удивили Наполеона, но ничего страшного в этом не было, и вдруг теплая приятная дрожь пробежала по спине. Недопесок Наполеон давно уж привык к людям и наводился их за свою короткую жизнь, но ничего такого он от них не ожидал.

А Веру удивляло, какой у него чуткий мех. Он струился, шевелился под пальцами, был живым и даже на ощупь серебристым. Вере очень хотелось провести пальцем вдоль белой полоски, рассекающей нос недопеска, но она не решилась.

— Мам, принеси щей. Давай мы его прикармлим.

Мамаша Меринова любила свою дочку, она погладила Веру по голове и сказала:

— Ладно, все равно сегодня носы ставить. Она сходила в дом и вынесла чугунок тех самых щей, что так вкусно пахли вчера.

Пальме налили в миску, а недопеску разсыкала Вера вбившую сковородку с обломанной ручкой, накрошила в щи хлеба.

Пальма завилась хвостом, подошла к своей миске и весело ударила по шам языком.

— Хлебай, хлебай, не робей, — подталкивала Вера Наполеона.

Он упирался, хотел для начала крутануть сковородку и лапой неожиданно зачерпнул шей. Облизнул и сразу понял, что никогда не пробовал ничего столь острого и соленого. Снова обмакнул лапу и зацепил какой-то лохматый узел.

— Это капуста, — пояснила Вера. — Хлебай, хлебай. Тут и лукавки попадаются, кругленькие, да, наверно, уж разварились, упрели. И картошка.

Наполеон слизнул капусту. Так и стал он есть, обмакивал в щи лапы и облизывал. Вчера щи пахли, может быть, и вкуснее, но и сейчас были они хороши. Кислый и жирный валил от них пар.

Пока налегал недопесок на вчерашние щи, Вера Меринова принесла веревку, ласково, легким бантиком обхватила его за шею, а другой конец привязала к кольцу, вколотенному в стенку конуры.

— Посидишь так до обеда, — сказала она.

Только облиставши дочиста свою сковородку, заметил Наполеон, что на шее у него что-то мешается. Вывернул голову и лапой попытался сквырнуть веревку, но плотно уже сомкнулась она на шее, зарылась в мех. Тогда ему показалось, что от этой штуки можно убежать.

Он прыгнул в сторону — веревка схватила за горло и, ошеломленный, упал Наполеон в снег. Вскочил, кинулся бежать, но горло чуть не разорвалось, и снова он упал и в ужасе закрыл глаза.

— Не волнуйся, не волнуйся, — успокаивала его Вера. — Посидишь так только до обеда. Чтoб не убежал. А приду из школы, я тебе устрою домик.

Вера ласково гладила недопеска, уговаривала его, как мамыши уговаривают детей. «Назову его Тиша», — думала она.

Вера Меринова была добрая девочка. Она любила животных, всех животных, все равно каких. Но желательно — млекопитающих.

ПОЛТАБУРЕТКА

Мамаша Меринова ушла на работу, Вера — в школу.

Дома никого не осталось.

А Пальма по характеру была домоседка. Она не слишком-то любила болтаться по улицам, ей нравилось, когда гости сами приходили.

Наевшись, Пальма вспрыгнула на конуру и улеглась на ее плоскую крышу ждать гостей.

Наполеон, пришибленный веревкой, заполз в конуру. Ему казалось, что какой-то страшный, сильный и невидимый зверь схватил за шею и держит. Вот нажмет посылней — разорвет горло. Мотоциклетная перчатка, которая дремала в куче тряпья, зашевелилась, ласково провела указательным пальцем по черному его носу, расцарапанному белой полосой. Наполеон заскулил, но не смогла перчатка развязать веревку на его шее.

Скоро во дворе появилась гостья. Это была старая приятельница Пальмы собачонка Полтабуретка.

Маленькая и зловредная Полтабуретка имела скверный характер. Она воровала все, что попадалось на глаза, любила укунить сзади. Деревенские псы терпеть не могли Полтабуретку, а ее хозяин печник Волопасов, запретив свою воспитанницу, снимал с правой ноги башмак и немедленно швырял, стараясь попать ей по голове.

— Почему я ее не утопил? — спрашивал, бывало, Волопасов у своих родных и близких.

Только Пальма относилась к Полтабуретке добродушно и даже дружила с ней.

«Маленькие собаки — злые», — рассуждала Пальма. — Их надо жалеть. У них жизнь не удалась».

Пальма всегда делилась с голодной Полтабуреткой костями, которые перепали от мериновского стола, и Полтабуретка заходила каждое утро перекусить и вообще покормить.

Увидевши гостью, Пальма приветливо махнула хвостом. Полтабуретка издали осклабилась, захихикала, подскакала к конуре.

Вдруг она замерла на месте, наморщила нос — чем это у вас тут противным пахнет?

Из конуры вылез недopesок с мотоциклетной перчаткой в зубах.

Полтабуретка зарычала, глазки ее загорелись скандальным огнем. Она сразу вспомнила, кто ей вчера всю морду расцарапал.

Не рассуждая, кинулась она к недopesку, кланнула зубами и выдрала клоф платиновой шерсти. Он вцепился ей в ухо, и снова раздался неприятный визг.

Пальма соскочила с конуры, оттерла Полтабуретку плечом и встала между нею и недopesком.

— Погодите, погодите, ребята, — как бы говорила она. — Давайте вначале разберемся, в чем тут дело.

Но Полтабуретка вовсе не хотела ни в чем разбираться. Из носа у нее уже текла кровь, а пасть была забита шерстью. Она не просто лаяла, она орала во все горло, и печник Волопасов, который проходил как раз мимо, не-

вольно подумал: «Плотник Меринов к праздникам свинью режет».

На голос Полтабуретки прибежала рыжая Дамка, маленькая собачонка Мошка и бродячий пес Шакалок. Кольцом обложили они Пальму и Наполеона и грозно ворчали, а Полтабуретка шмыгала вокруг и разжигала.

Вся эта комедия Пальме не понравилась. Она загнала Наполеона в конуру и сама влезла в нее, выставив наружу только лишь свою добродушную морду. Пальма миролюбиво ворчала, объясняя, что нечего разжигать сыр-бор, что это ее знакомый или даже родственник и что в конце концов это ее личное дело, кто живет у ней в конуре.

Но уговоры Пальмы не помогли. Свора вплотную приблизилась к конуре, а коварная Полтабуретка вскачила на крышу и стала скрестить ее когтями.

Собачонка Мошка, двоюродная сестра Полтабуретки, совсем обнагтела. Задними лапами она корябала землю — комья земли и снега полетели в морду добродушной хозяйке.

Терпение Пальмы лопнуло. В ярости выскочила она из конуры и ужасно укусила двоюродную сестру. И тут же сцепились в одно лохмотое колесо и Мошка, и Пальма, и Дамка, и Полтабуретка, и бродячий пес Шакалок. А Наполеон взволнованно выглядывал из конуры и чем-то напоминал в конце концов своего знаменитого тезку, который наблюдает из маршальского шатра за ходом сражения.

Псы свились в клубок, связались морским узлом. Их морды были в середине узла, а хвосты трепетали снаружи. Узел прокатился по двору, перевернул козлы, но тут прилетел вдруг откуда-то кусок кирпича и врезался в самую середину свары. И страшный послышался, грозный крик:

— Артиллерия! Огоны! Левое орудие разрывными снарядами — пли!

Градом посыпались на собак разрывные снаряды — осколки горшков, кирпичи и гремящие консервные банки. Первым рванул в сторону

Шакалок, за ним Полтабуреткина двоюродная сестра. Через четыре секунды двор опустел.

Из-за забора заглядывал на мериновский двор какой-то человек в офицерской фуражке. Это был дошкольник Серпокрылов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОШКОЛЬНИК СЕРПОКРЫЛОВ

После завтрака дошкольник Серпокрылов имел обыкновение прогуливаться по деревне. Проводил на работу своего папашу, уважаемого слесаря Серпокрылова, дошкольник надевал офицерскую фуражку, закидывал на плечо винтовку, сделанную из железа, и выходил в дозор.

Все друзья дошкольника учились в школе, поэтому до часу дня Серпокрылов был свободен и одинок. Но одиночество не мучило его, потому что он был занят военным делом.

Взявши винтовку наперевес, солдат Серпокрылов крался вдоль забора, стараясь подстрелить какого-нибудь вражеского разведчика или адъютанта.

Около клуба ему попался почтальон дядя Илюша, который мгновенно был ранен в ногу.

— Смотри, Лешка, — крикнул дядя Илюша, — сколько снега навалило, надо тебе надевать маскировочный халат.

Сержант Серпокрылов стрельнул еще разок и опять попал в ту же ногу. Прихрамывая, дядя Илюша двинулся по деревне. Он кидал газеты и письма в почтовые ящики, приколотенные к калиткам.

Из проулочка появился тем временем неприятельский батальон. Обутый в красные сапоги.

— Солдаты! За мной! — шепнул своим разведчикам старшина Серпокрылов. Возьмем их в клещи!

Будто лавина, обрушились серпокрыловцы на врага. Хлопая от ужаса белыми маскировочными рукавами, вытягивая в страхе белые маскировочные шеи и даже маскировочно гогоча, враги рассыпались по огородам и замаскировались.

Неожиданно послышалось ворчание танка. Лязгая гусеницами, из-за ближайшего блиндажа вывалился тяжелый бронированный механизм.

— Погибать, так с музыкой! — крикнул лейтенант Серпокрылов, держа в руке противо-

танковую гранату. Раздался чудовищный взрыв — механизм выпустил облако дыма и отправился умирать в сторону силосной ямы.

Вдруг со двора плотника Меринова послышались какие-то крики — визг, лай и вообще грохот боя.

— Вперед! По-пластунски! — скомандовал капитан Серпокрылов, упал в снег и стремительно пополз к забору, собирая по дороге гранаты и мины.

Невиданный бой разгорелся за забором. Здесь смешались в кучу кони и люди.

— Выручай наших! — послышалась команда. — Ребята, не подведите своего майора! Рубай их!

Град огня и снарядов обрушился на врага.

— Спасибо вам, товарищ Серпокрылов! — кричали наши. — Вы спасли нам жизнь.

— Я солдат, — скромно ответил полковник Серпокрылов и вдруг заметил кого-то пушистого, привязанного за веревку к конуре.

«Вон какую штуку завела себе Верка Меринова», — изумленно подумал Серпокрылов, раскрыл глаза пошире, и в голову его хлынули сугубо штатские мысли: кто это такой и чего он сидит у конуры, и при чем здесь огромная перчатка, валяющаяся на снегу?

Он поднял перчатку и примерил. Рука влезла аж до плеча, и дошкольник засмеялся от удовольствия.

— А ты кто такой? — спросил он Наполеона, присел на корточки и черным перчаточным пальцем провел ему по носу. Наполеон зажмурился. Новые стремительные мысли понеслись в голову дошкольника и главная — насчет Верки Мериновой: мол, надо бы ее немного подразнить, а то чего-то загордилась, давно нездранная ходит.

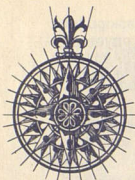
— Ты мой трофей, — сказал он Наполеону и отвязал веревку.

Потягивая за собой недопеска, дошкольник вышел через калитку на улицу.

Победные флаги трепетали над головой генерала Серпокрылова.

Продолжение следует

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

МАТРОС, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ ЛЕНИНА

У бывшего балтийского матроса Ивана Иосифовича Михалькова побывали юнкора Костя Ларионов и Сережа Герасимов. Ребята спрашивали старого моряка о славных днях революции.

— Мне, — с гордостью сказал старый моряк, — довелось видеть и слышать Владимира Ильича Ленина... Вот как это было. В Кронштадте, где я работал в минно-торпедных ма-

стерских, стало известно, что в Петроград из эмиграции возвращается Ленин. С нетерпением мы ждали Ленина. Для встречи и охраны вождя революции кронштадтские моряки послали отряд матросов. В этот отряд попал и я...

...Мы встретили броневик с Лениным возле дворца Кшесинской (теперь Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции). Ленин прошел на балкон. Тысячи рабочих, солдат и матросов слушали, что говорил Ленин. Он приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, которые освободили Россию от царизма. Тысячи людей стояли в великой тишине... всю жизнь я помню Ленина в этот весенний вечер.

СЛУЧАЙ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Наш теплоход «Михаил Калинин» шел мимо берегов Италии. Был туман. Вдруг вахтенные заметили красные ракеты. Сигнал бедствия! Теплоход изменил курс. Через несколько минут мы увидели пассажирский катер. С него-то и подавали сигналы. Оказалось, что катер заглох в тумане. К дальним плаваниям суденышко

не было приспособлено, и если бы катер вынесло в открытое море, всякое могло случиться... Пришлось взять итальянцев на буксир и доставить их в порт. Пассажиры и команда катера горячо благодарили нас за помощь.

Рассказ капитана теплохода «Михаил Калинин» Владимира Владимировича Ковалева записал юнкор Сережа Белозеров

Капитан дальнего плавания В. В. Ковалев
в ходовой рубке теплохода

Теплоход «Михаил Калинин»
в Средиземном море

„Принимаю бой“

В пятидесятых годах прошлого века приписанный к Кронштадтскому порту русский пароход «Усердный» занимался на рейде странным делом: то ляжет в дрейф и спустит шлюпки с матросами, то пойдет дальше, то снова ля-

жет в дрейф. А матросы в шлюпках что-то осторожно в воду опускают... Рейсы «Усердного» были окружены тайной.

Но вот началась Крымская война 1855 года. Флот противника пришел и на Балтику. Разведывательные корветы приблизились к Кронштадту. И вдруг один из них взорвался. Началась паника! Загребели новые взрывы. Еще три корабля подорвались и начали тонуть. И случилось это на тех местах, где «Усердный» занимался таинственным делом... Он ставил под водой мины. Якоби, или, как называли их тогда, — адские машины.

Мы коротко пересказали лишь одну морскую историю из пятидесяти четырех, что вошли в новую книгу писателя-моряка Николая Бадеева «Принимаю бой». Остальные прочитай сам. Книгу выпустило издательство «Детская литература» в 1973 году.

С. Евгеньев

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

КАПИТАН ДАЛЬНЕГО ПЛАВАНИЯ
В. Чибаяев, 11 лет, Куйбышев

Два „Челюскина“

Вот уже несколько лет наш отряд дружит с командой волжского теплохода «Челюскин». Каждый год летом моряки теплохода берут в плавание по два человека из нашего отряда. Мы уже научились управлять машинами в дизельном отделении теплохода, изучили рулевое управление судна. Не раз мы стояли самостоятельную вахту.

И когда теплоход приходит из рейса, мы на нем — желанные гости.

Вот почему свой отряд мы назвали «Челюскин».

Сергея Дмитриев, г. Тольятти

Сергея Дмитриев в ходовой рубке теплохода „Челюскин“

КАК БРАКОНЬЕРОВ НАПУГАЛИ

Случилось это прошлым летом. Неподалеку от нас протекает красивая речка. Рыбы в ней много. Но повадились на речку браконьеры. Наши ребята решили их проучить. Организовали голубой патруль и вышли в рейд вечером. Возле берега заметили лодку. В лодке трое браконьеров

готовили сети. Мы крикнули из-за кустов: «Ни с места!» Браконьеры кинулись к мотору, завели его и дали газ. Но на повороте они не снизили скорость. Мотор взорвался. Из-под винта поднялся фонтан пены, и лодка перевернулась. Наступило затишье. Через несколько секунд вынырнула одна браконьерская голова, потом другая, третья. Один браконьер крикнул: «Все живы?» Головы ответили: «Все».

Браконьеры подтолкнули лодку к берегу, вылили воду. Но уехать они не смогли: утопили бак с бензином...

Голубой патруль
«Гроза браконьеров»,
Башкирия, Белорецк

Еду в школу. Знакомлюсь с Екатериной Ефимовной. На столе у нее ворох бумаг — документы, фотографии, газетные вырезки, письма...
Вот и знакомая фотография. А за ней — целая история.

ПОЧЕМУ ТАК
НАЗВАЛИ
УЛИЦУ

(рассказывает
Е. Е. Коварятская)

Наша школа на улице Севастьянова, дом 13 была открыта пятнадцать лет тому назад. Сейчас, понятно, трудно вспом-

стихийный. Но о каком поиске речи не шло. Простому нам хотелось больше узнать о герое. В соседней, 203-й школе уже был стенд, посвященный герою. Мы побывали в этой школе. Наташа Семочкина и Людмила Гусева несколько раз ездили в Публичную библиотеку, рылись в старых газетах. Эти девочки были заводилами. А еще мальчишки: Гена Ушаничев, Сережа Терентьев, Саша Титкин, Витя Рубенков. То, что узнавал один, становилось достоянием всех.

Со временем мы увидели, что уже столько собрали материалов о Севастьянове, что можно создавать свой школьный музей, и открыли его.

Виктор Того
Обращение А. Януса

ОБРАЩЕНИЕ
ФОТОГРАФИЯ

Как-то в одной из школ Ленинграда я увидел фотографию. Человек с миноискателем идет по полю. Странно: человек в штатской одежде, а под фотографией дата — 1968 год... Для чего штатскому миноискатель, да еще в 1968 году?

Снова я увидел эту фотографию, когда забежал в магазин, где продаются телевизоры. На нескольких экранах сразу появились тот человек в ватнике. В руках он держал миноискатель...

ПО СЛЕДАМ
«ВСЕМИРНОГО
СЕДЛОПОЯТА»

Из телевизионной программы я узнал, что передача называлась «Всемирный седлопоят». Позволил на студию. Режиссер передачи посоветовал мне ехать в 371-ю школу, поговорить с Екатериной Ефимовной Кондратьевой, директором.

ОТ ИНТЕРЕСА
К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(рассказывает выпускница
371-й школы Оля Аносова)

На первых порах наш интерес к Севастьянову был чисто

Что же мы узнали?

Узнали, что Алексей Тихонович Севастьянов служил в 26-м Гвардейском истребительном авиаполку. Но ведь это было в годы войны, столько лет назад! Полк мог получить другие наименования, мог быть и просто расформирован. Начали наводить справки и... удача! Напали на след.

Но сначала надо, пожалуй, о самих боях за Ленинград.

«О БУДУЩНОСТИ
ГОРОДА
ПЕТЕРБУРГА»

Начиная войну с Советским Союзом, фашисты рассчитывали на скорую победу.

В секретной директиве Военно-Морского штаба Германских вооруженных сил от 29 сентября 1941 г. № 1 («О 1601/41 под названием «О будущности города Петербурга» по этому поводу было сказано: «Стереть Петербург с лица земли. Для этого тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров

и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты...»

Но, как известно, просьб о пощаде они не дождались...

26-й
ГВАРДЕЙСКИЙ...

Просьб о пощаде фашисты не дождались. Город боролся. Это приводило гитлеровцев в бешенство. Они обрушивали на Ленинград ежедневно сотни снарядов и авиабомб.

Для отражения действий

вражеской авиации был создан и 26-й Гвардейский истребительный авиационный полк (26 ГИАП).

НОЧНОЙ
ТАРАН

(рассказывает выпускник 371-й школы Сергей Терентьев)

Стали мы искать материалы о подвиге Севастьянова.

Мы учились терпению и последовательности, что очень важно в каждом поиске, в каждой работе. Отвлечусь и приведу такой пример. С почтовой маркой. Когда наши девочки ездили в библиотеку смотреть подшивки старых газет, кто-то им так сказал, что было во время войны выпущена марка в честь подвига нашего летчика. Раньше, когда у нас не было опыта, мы, наверное, кинулись бы искать эту марку по квартирам, наделали бы фальшивостей, листали свои альбомы. Бежали бы по магазинам. А теперь — нет. Теперь мы проверили это со знанием дела. Достали каталог советских марок и убедились, что марки, нужной нам, не было.

А вот старые фронтовые газеты помогли сразу. Мы нашли в них рассказ, записанный журналистом прямо в полку со слов самого Алексея Севастьянова. Рассказ о его подвиге — ночном таране.

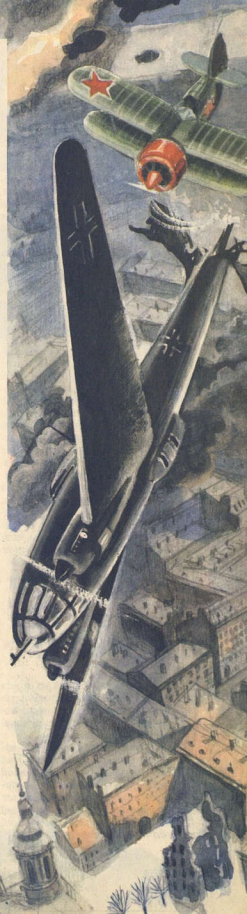
«Два раза с ближней дистанции я бил по нему из пулемета. Как заговоренный, гад! Зашел в третий раз. Вилотную сблизился. Жму на гашетку — ничего. Кончился боезапас. Мне прямо умереть захотелось с горла! Я же клятву партии дал! И решил: рубану его винтом по хвосту! Прибавил оборотов и р-раз! И опять летит, гад, дальше — будто ничего не случилось. А я же видел: у него стабилизатор к черту! Но недалеко он ушел. Крыло — застряло на крыльях, как лист с дерева, вниз...»

Но и моя машина погибала... Такое дело получилось...

Этот бой видели сотни ленинградцев. Ведь он проходил над Петропавловской крепостью, а самолеты дрались в скрещенных лучах прожекторов.

Рассказывает участник боев Ленинграда И. Самутин:

— В ночь на 4 ноября 1941 года, будучи в Управлении

штаба фронта на Литейном проспекте с поручением от начальника особого отдела 42-й армии, я узнал, что в воздушном бою над Ленинградом сбит фашистский самолет «Хейнкель-111». Самолет упал на деревянные сооружения и подобные помещения ресторана и кафе на углу улиц Потемкинской и Салтыкова-Щедрина. Немецкий летчик приземлился на парашюте в Таврическом саду, и при этом повредила себе руку и расшиб ногу. После оказания медицинской помощи его доставили в Управление для допроса. Второй самолет — наш — упал в Невском районе. Летчик спустился на парашюте на территорию Невского машиностроительного завода им. В. И. Ленина.

Он оказался Алексеем Севастьяновым. Для нас большой интерес представляли показания летчиков, сбитых над Ленинградом. На допросе выяснилось, что фашистский пилот со сбитого «Хейнкель-111» воевал во многих странах Европы, бомбил города и села Польши, Франции, сделал 20 налетов на Лондон, за что имеет много наград и в том числе Железный крест, врученный ему лично Гитлером. Он признался, что в Восточном фронте недавно и сказал, что сбить его мог только очень опытный ас.

„ПРИСВОИТЬ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА“

Несколько девочек из 6 «а» класса сходили в Музей истории войск Ленинградского военного округа. Вот какой документ они нашли:

«4 ноября 1941 года, в 22 часа, прикрывая г. Ленинград с самолета «Чайка», младший лейтенант Севастьянов тараном своим самолетом самолет противника «Х-111», который был сбит и упал в Таврический сад Ленинграда. Пилот самолета

та противника жив и взят в плен. Летчик Севастьянов вынужден из своего самолета с парашютом и благополучно приземлился невредимым. За проявленный героизм, мужество и отвагу, граничащие с самопожертвованием, достиг присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 26 авиаполка
Б. Романов
Военком Б. Тихонович.

РАССКАЗЫВАЕТ САША ТИТКИН

(из выступления в телевизионной передаче «Всемилый саксонит») После таких нахонок, как вот эти военные документы, у нас каждый раз было ощущение, будто мы сами побывали в осажденном Ленинграде, пожили в то суровое время.

И еще — мы уже очень скоро стали понимать, что нужна помощь отцов, старших, надо искать ветеранов полка, боевых соратников Алексея Тихоновича.

В номере газеты «На страже Родины» от 9 июня 1942 год — Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР:

„За образцовое выполнение боевого задания в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“ младшему лейтенанту Севастьянову Алексею Тихоновичу.“

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. Калинин

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
Н. Горьин

Москва, Кремль.
6 июня 1942 года».

Так Алексей Севастьянов стал Героем Советского Союза.

ПЕРВЫЙ СЕВАСТЬЯНОВСКИЙ СБОР

В Музее боевой славы бывшего 26-го Гвардейского полка узнали ребята и о родственниках Алексея Тихоновича. Жена его мать, милые братья. Удалось найти адреса одинопочарного летчика, его боевых товарищей.

Как раз близилось 4 ноября — двадцать вторая годовщина нашего тарана.

На этот день был запланирован сбор пионерской дружины.

Сергея Терентьева, Саша Титкин, Вита Рубенков и Гена Ушанцев приняли мастерить макеты. Из пластилина и картона соорудили «Порогу жизни» и «Воронью гору» — памятные для ленинградцев-блокадников места. Мальчишки эти, тогда пятиклассники и шестиклассники, были отнюдь не блестящего поведения, но подготовка к сбору так увлекала их, что они теперь приходили в школу к восьми утра, а уходили поздно вечером, когда за ними являлись родители.

На тот первый сбор смог приехать только старший брат героя — Сергей Тихонович. Он и рассказал ребятам о детстве и юности Алексея, передав привет от матери, Марии Ниловой.

В тот же день произошла и другая знаменательная встреча. На сбор ветеранов бывшего 26-го авиаполка в гости к ребятам приехал человек, который видел последний бой Севастьянова — Василий Степанович Цыганенко. Это и был тот самый человек в ватнике, которого я увидел на экране.

„МЫ ОХРАНИЛИ ЛЕНИНГРАДСКОЕ НЕБО.“

(рассказ В. С. Цыганенко)

Наш аэродром был на самой Дороге жизни. Мы охра-

няли ленинградское небо. Не пускали самолеты врага в Ленинград. В тот день два самолета-штурмовика сидели в готовности на взлетной полосе. В одном из них был наш покорный слуга, во втором — летчик Молтенников.

И вдруг — тревога. Мы взлетели. Не успели набрать высоту, как из-за облаков на нас кинулись «мессеры». Дело было в воздушном бою тот хозяин, кто наверху.

С земли видят: дело худо. Мы с Молтениновым в хвосте кругами, закрываем друг друга хвосты, а подняться не можем. С земли решили выслать нам подмогу. Смотрим, на помощь к нам идут два истреби-

тели. На шести тысячах метров они просто проросли облака. В общем, совсем плохо. Вспыхнул наш «стреб», пошел вниз... В нем-то и был Алеша Севастьянов.

Случилось это 23 апреля 1942 года.

теля. Ну и «мессеры» это дело заметили — белая взлетная полоса хорошо просматривается с воздуха. Эти истребители даже взлетать как следует не успели, как на них нависли фашисты. И вот так кружили мы с Молтениновым, а в паре километров от нас — те двое на «МИГ-ах». Вообще-то «МИГ-3» неплохие машины, но на большой высоте: у них высотные

* Так летчики на фронте называли истребитель «мессершмит».

МАТЬ ГЕРОЯ

4 ноября 1966 года в гости к ребятам приехала мать героя с двумя сыновьями — Виктором и Сергеем.

Всем помнится Мария Нилова — немолодая русская женщина в крестьянской одежде. Тяжелые складки длинной суконной юбки, серый головной платок. Лицо в морщинах, большие рабочие руки. У Ма-

рии Ниловой шестеро сыновей. И всех шестерых в грозный час войны она послала защищать Родину. Трое не вернулись...

Он был такой же, как все деревенские мальчики... рассказала Мария Нилова... Такой же, как его братья. Разве что волосы посветлели... Сколько бывало морщинок с этими волосами! Росли быстро. Отец стричь не успевал. А уж как наладится стрижка, так моли ножницами набьет, пока голову обрядит. Такая была голова... А уж как Алеша работал любил! Особенно сеносок. Намается спозаранок... Так намашется косою, ровно взрослый мужик. И в ночное ездит любил...

Может быть, именно там, в ночном, у костра и родился у Алешки мечта о небе...

КЛЯТВА

Случай Мария Нилова, ребята переносились мыслями в глубины России, в тверскую деревеньку Холм, ощущали себя ровесниками ее сына. Слово не она приехала к ним в гости, а сами они забежали в дом Алешки да и заслушались рассказом его мамы...

Встреча окончена. — Спасибо вам, Мария Нилова, за ваше доброе материнское сердце, за вашу прекрасную душу!

Бережно приняла мать героя портрет сына из рук девочек. Наступила тишина, ребята словно боялись помешать свиданию матери с сыном...

И тогда, как клятва, прозвучал в тишине чей-то голос: Мария Нилова! Мы найдем самолет вашего сына!

Продолжение следует

СЕРИЯ 16

ВЕСЕННЯЯ ВСТРЕЧА

ПО ТЕЛЕВИЗОРУ — КОРЧАГИН
АРТИСТ ИЛИ АКТЕР?
Почта киноклуба

У ТЕЛЕВИЗОРА

В киноклубе появилась телевизор. Большой, красивый, с цветным изображением. И нежного волшебством. Если включить его, то увидишь не просто фильм или телепередачу, а тот фильм, ту передачу, о которых приходило в киноклубе больше всего писем.

Оля Орлова из Ленинграда, Володя Войничский из Саратова, Толя Бражник из Балашихи, братья Мерзляковы из Северодвинска и многие другие ребята — все просят об одном: расскажите о фильме «Как закалялась сталь»! Напишем на клавишу телевизора. Внимание!

Алая земля лежит под темными грозными небом. Натянула на землю волна надвигавшейся на нас вперёд, в бой отчаянный, важный и неизбежный.

Следом за ними появились на экране белое полотно подушки, почти сливается с ним белое лицо большого мальчика. Не сказать ему больше на быстром коне, не рубить острой шашкой врагов, не тянуть узкоколейку на Киев. Че-

ловек прикован к белой подушке навсегда, до последнего часа. Но не покидают его воспоминания о прожитом, о Девятом съезде комсомола, на котором был он делегатом и выступал, и все слышится ему короткая властная команда военного времени «Приготовься к бою».

Такими кадрами начинаются все шесть серий фильма о Павле Корчагине.

Это — заставка, выражающая языком кинематографистов.

И это ключик ко всему фильму. Не складывая оружия, оставаясь бойцом даже в мирную пору.

Павла Корчагина из книжки приходит на экран впервые. В Отечественную войну, в 1942 году, появилась лента «Как закалялась сталь» режиссера Марка Донского. В 1956 году Александр Алов и Владимир Наумов поставили фильм «Павел Корчагин».

И вот теперь А. Алов и В. Наумов написали сценарий нового фильма о Павле, а поставил его режиссер Николай Мышенко, снял оператор Александр Утигильов, композитор Игорь Шамо сочинил музыку и вместе с Робертом Рождественским замечательную песню, которую вы, наши читатели, почти все процитировали в письмах:

Я снова приближаюсь
к правде,
и снова был таков,
что нулим тосно.
Ты только не возмещай
на подороже,
товарищ сердце,
товарищ сердце!

Будем смотреть дальше картину и расспрашивать Николая Павловича Мышенко.

— Какая перед вами была самая главная задача, когда вы работали над картиной?

— Биографию Корчагина все изнутри знают, поэтому мы не хотели повторять книгу. Цель наша была — показать с экрана корчагинское отношение к жизни.

— А что это такое — корчагинское отношение к жизни?

— Святая вера в революцию. Умение жить общим делом, делом всей твоей родины, твоего народа. И если даже выпадет в жизни большое горе, страшная болезнь — все равно оставаться в строю, со всеми вместе.

Так относился к жизни не только Корчагин или сам Николай Островский. Так к ней относились ленинцы, коммунисты.

Линия крутая еще несовершенная узкоколейную дорогу, самих строителей скорби болезни. И голод уносит товарищей. И бараки набиты больными.

Но тот, кто пока на ногах, трудится яростно, бешено. За себя, за товарищей-комсомольцев — ради Киева, который эта дорога спасет от голода. Ради революции.

И на фоне огромного сол-

нечного диска, будто мы уже не страшную видим стройку, а картину про героя легенды, Павла кричит своим товарищам — а может, всей стране — «Даешь!» И глаза у него светлые и прекрасные.

Павла Корчагина играет Владимир Конкин. Об актере спрашивают многие из ребят. Марина из Москвы (фамилия она почему-то не сообщила) написала: «Как была сыгран роль Павла? Мне кажется — великолепно. Потому что Корчагина я представляла и представляю только таким. И еще. Павел стал для меня воплощением комсомольца».

— Расскажите, Николай Павлович, о Владимире Конкине.

— Ему 22 года, он работает в Харьковском театре юных зрителей. У Володи не было до этого ролей в кино. Но мы искали для съемок именно такого актера — чтобы зрители его совершенно не знали, чтобы

он и стал для них «воплощением комсомольца».

Переполнен огромный зал Большого театра. В партере, в ложах, под потолком на галерее — молодые лица, светлые глаза. Идет IX съезд комсомола.

Это последние кадры фильма...

Переполнен огромный зал Кремлевского Дворца съездов. В партере, в ложах, под потолком на галерее — молодые лица, светлые глаза. Идет XVII съезд комсомола.

На трибуну поднимается паренек с комсомольским значком на груди — потомок Корчагина.

Г. Георгие

АРТИСТ ИЛИ АКТЕР?

В своих письмах многие ребята спрашивают: как правильно говорить: АКТЕР или АРТИСТ? Одна девочка даже написала так: «Ответьте, когда АКТЕРЫ становятся АРТИСТАМИ?»

Отвечает кандидат филологических наук доцент Ленинградского университета Вера Сергеевна ТЕРЕХОВА.

Действительно, в художественной литературе и в разговорах друг с другом мы пользуемся и тем словом, и другим. Мы говорим об АКТЕРСКОМ мастерстве наших АРТИСТОВ и не всегда думаем о том, в чем разница слов АРТИСТ и АКТЕР. Эти слова «на равных» живут в языке. Может быть, они имеют одинаковое значение! Артистом можно назвать и искусного мастера, можно сказать «артист своего дела» о токаре, радисте, слесаре...

АРТЕР — это артист, играющий на сцене или в кино.

Нельзя назвать актером работника на заводе или в школе. Нельзя назвать скрипача.

Слово «артист» происходит от латинского «арти» (в родительном падеже artis), что значит «искусство». А слово «актер» от французского «актер» — «действительный». Замечательный исследователь русского языка В. И. Даль толкует слово АРТИСТ как «художник, человек, занимающийся изысканиями искусства, художествами; более употребляется о музыкантах, актерах, писателях, фрунских». Слово же АКТЕР — это «театральный артист, художник, играющий на театре».

АРТИСТ — понятие широкое. Артист драматический, оперный, балетный, артист оркестра, цирка, филармонии, народного театра, самодельщиков.

У нас в классе мы провели между звеньями кино-КВН. Мы придумали его сами. Все вопросы были на тему «Кино».

На магнитофонную ленту записали песни из различных кинофильмов, участники конкурса отгадывали, из каких фильмов эти песни. Еще была у нас конкурс «Сюда находите». На столе лежали различные предметы, принадлежащие героям известных кинокартин. Ребята вспоминали, чья это вещь, героя какого фильма. Проходила и традиционный конкурс капитанов. Капитан каждой команды получал конверт с письмом от друзей, в котором были «зашифрованные» названия двенадцати кинофильмов, и их, конечно, надо было отыскать. Устроили и язычковую картину, и конкурс болельщиков. Все было так весело и интересно!

Наталья Лазарева,
Вологда, 7 класс

пурга над "карточным домиком"

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Игорь Ефимов

Рисунки В. Топкова

10

Свободной рукой капитан удерживал телефон так цепко, словно это был живой собеседник, способный убеждать, не дослушав самого главного.

— Все! — кричал он в трубку. — Вы поняли меня? Всю ночную смену водителей! Разбейте их на два отряда. В первом — два бульдозера, две снегоочистилки и обязательно один тягач. Пусть выезжают немедленно. Курс — деревня Ночлегово. Не теряйте времени на заправку, горячее доставим уже в пути. Главное для них — расчистить первый этап дороги. Со вторым отрядом поеду я сам и учение из Научного городка. Нам понадобятся еще десять водителей — это как минимум. И конечно, транспорт. Еще две снегоочистилки. Заправщик с горючим. Санитарные машины. Причем с персоналом. И не только дежурных врачей. Пусть вызывают специалистов-невропатологов. Вы записываете? Свяжитесь еще с летчиками. У них есть мощный прожектор на самоходном шасси. Объясните им ситуацию, они поймут. Без такого прожектора по целине нам не пробиться. Кроме того...

На другом конце провода что-то сказали — капитан нахмурился и возмущенно взмахнул рукой, не выпустив из нее телефонного аппарата.

— Жители тоже поймут, уверяю вас! Если вы подготовите сообщение и утром объявите по радио, что случилось, куда была послана снегоуборочная техника, — у вас не будет ни одной жалобы. Да-да — от мала до велика выйдут с лопатами на улицу разгрести снег вручную. Вот увидите... А не надо так бояться сообщать людям о несчастьях. Если объяснить им прямо и честно — они поймут. Плохо же вы их знаете...

Там, видимо, сказали что-то примиритель-

ное. Капитан успокоился и поставил аппарат на стол.

— Вот это другое дело. Значит, все ясно? Первый отряд — немедленно, второй — не позже чем через час. Мы прибудем к вам даже раньше. Готовить лопаты и сообщение для радио начнете после нашего отъезда.

Он бросил трубку на рычаг и обернулся к директору.

— Я ничего не упустил?

— Похоже, что нет. Теперь весь вопрос в том, за сколько часов мы сможем пробиться к «Карточному домику».

— Точно не скажешь. Снежные заносы — штука коварная. Вездеход на полной скорости доходит за три часа? Значит, нам с разгребанием снега, ночью... В лучшем случае — за шесть часов. Пять — это рекордно.

— А сколько у нас в запасе?

— Сейчас двенадцать ночи. Без пяти минут. Если Сильвестров тоже начал опыт под утро...

— Надо узнать длину тонкой магнитфонной ленты.

— Боясь, мы это сейчас узнаем, — сказала Тамара Евгеньевна, кивнув на дверь радиорубки.

Вошел запыхавшийся радист. Наушники свободно болтались у него на шее, а в руках были зажаты две бобины с магнитфонной лентой — одна побольше, другая поменьше.

— Вот. На складе только такие. Не знаю, какие они брали для своей «Мнемозины».

Все молча уставились на Этери.

Она виновато потупилась и ткнула пальцем в меньшую.

Казалось, от тягостной тишины в радиорубке стало еще теснее.

— Эх, девушка! — не выдержал радист. — Не знаете, что ли, как шьют на подрастающих? С запасом, с припуском. А ваша-то «Мнемозина» самая подрастающая и есть.

— Подрастающая кобра, — пробурчала Тамара Евгеньевна.

Капитан повернул бобину в руках и поднял глаза на радиста.

— На сколько она?

— А скорость у них какая в «Мнемозине»?

— Маленькая, совсем маленькая. — В голосе Этери мелькнула надежда. — Пять метров в час.

— Значит, двадцать часов будет вертеться. От щелчка до щелчка.

Все головы повернулись к настенным часам. Большая стрелка переползла уже цифру «12» и с равнодушным тиканьем продолжала отсчитывать секунды следующего дня — второго дня нового года.

— Не успеть.

Директор замотал головой и, запустив обе ладони под ворот свитера, оттянул его так широко, словно хотел захватить весь воздух в маленькой комнатке.

— Если он начал вчера в пять, — сказала Тамара Евгеньевна, — тонкая лента будет поддерживать жизнь спящих до часу ночи. Это

все, что есть в нашем распоряжении: час, не больше. Но если...

— Больше никаких «если». — Капитан оттолкнул стул и поднялся. — Мы сделаем все возможное, чтобы успеть. Все равно других путей нет. Остается только надеяться, что он начал позже, где-нибудь на рассвете.

— Нет! Так нельзя! — Этери тоже вскочила на ноги и, схватив телефонный аппарат, протянула его капитану. — Позвоните на аэродром. Нужно найти летчика-добровольца. Хоть одного! Чтоб доставили меня туда... Я бы подклеила ленту... Ведь это все из-за меня случилось. Если бы я не удрала... Пусть сбросят с парашотом! Правда, я никогда не прыгала, но вдруг получится...

— Успокойтесь, Этери. Добровольцы, конечно, найдутся. Но техника не всесильна. Нет еще таких летательных аппаратов, которые могли бы подняться в воздух при десятибалльном ветре. Придется ползти по земле. Андрей Львович, вы с нами?

— Разумеется. Тамара Евгеньевна, оставайтесь здесь в радиорубке. Я буду вызывать вас с дороги каждые пятнадцать минут.

— Хорошо. Счастливо вам. И не надо отчаиваться раньше времени.

Капитан, за ним Этери, последним — директор выбрались из тесной рубки, пошли по коридору.

Они уже начали спускаться по лестнице, когда до них донесся вопль радиста — то ли измученный, то ли радостный — не понять.

— Эгей! Домик! Домик снова заговорил!

Капитан изогнулся всем корпусом назад, нагряс и вдруг рванул по коридору, как по стометровой дорожке.

Когда Этери и директор добежали до дверей рубки, он уже сидел рядом с радистом, отнесясь назад Тамару Евгеньевну, прижав ухо к репродуктору.

Детский голос, доносившийся оттуда, был не похож на тот, который они слышали раньше.

— Але. Але, вы меня слышите? Говорят из дома с лабораториями. Со второго этажа я с вами говорю. Ответьте, пожалуйста. Перехожу на прием.

Капитан схватил микрофон, переключил тумблер.

— Да, мы вас слышим. Кто говорит? Почему не выполнили приказ, не покинули здание?

— Говорит Коля Ешкилев. Я вам хотел объяснить... Вы думаете, наверно, что мы ребята-старички, а мы обыкновенные ребята. Настоящие. И ничего мы не забыли. Если не верите, позвоните в Большой поселок, школа-интернат номер восемь, спросите директора Алексея Федотыча. Мы утром сегодня еще там были. Мы шли на лыжах, потом заблудились и попали сюда.

— Проверить, — негромко сказал капитан. — Быстро.

Радист кивнул и, чтобы не мешать, выбрался с телефоном в коридор. Длинный красный

шнур, скользнув с полки, лег капитану на плечо — он даже не заметил.

— Коля Ешкилев, во всяком случае, ты был самое главное: что старших надо слушаться. Почему ты остался? Где остальные?

— Остальные все ушли. Кроме Сазонова. Сазонов на кухне уснул, а нам его не поднять.

— Уснул? Сазонов?

— Неужели излучение все еще действует? — директор резко повернулся к Этери. — Вы же говорили: широкая лента — двенадцать часов. Когда она кончается, тормозящий сигнал должен отключиться автоматически.

— При нормальной скорости — да. А вдруг он включил на более медленную? Мы же ничего толком не знаем.

— В конце концов, Сазонов мог и просто уснуть, — сказал капитан, не поворачивая головы. — От усталости.

— Вы когда сказали, что мы все забываем, — снова раздался из репродуктора Клинический голос, — они очень перепугались. У них много хорошего в жизни было, они давно дружат, вот и испугались забыть. А у меня хорошего мало — только с лета, когда они меня взяли в свою компанию. Я пробовал вспоминать и вижу: нет, все помню. Как за раками ходили — помню. Как костер меня учили разжигать — тоже. Даже помню, сколько штук поймал — вот. Может, у меня память какая-нибудь бронированная, ее излучение не берет, а? Я и решил вернуться.

— Да зачем?

— Ну эти тут... Валяются без присмотра... Дышат тяжело. Я подумал: проснется кто-нибудь, пить попросит, а никого нет. Можно я здесь подежурю? А если не верите, что я здоров, хотите, стихи прочитаю? Из нашей компании одна девочка их все время читает, я и запомнил. «Мчатся тучи, выюся тучи...»

В это время в дверях появился радист.

— Есть! Точно — они. Вечером вышли из интерната, а до дому не дошли. И Ешкилев этот — с ними был.

Капитан испытующе посмотрел на директора, потом на Этери. Та секунду помедлила, потом молча кивнула несколько раз.

— Вы что? — Тамара Евгеньевна испуганно взмахнула рукой, будто защищалась. — Что вы задумали? Он же ребенок.

— Это наш единственный шанс, — сказал капитан. — Поспеть туда вовремя — надежды почти никакой.

— Да не шанс это! А живой ребенок. Немедленно прикажите ему покинуть здание. Вы слышали — Сазонов уже свалился. Излучение действует!

— «Сбились мы, что делать нам?» — неслось из репродуктора. — «В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам»...

— Там сорок человек, — сказал капитан. — И жизнь их на волоске.

— А вы хотите добавить к ним сорок первого? Ему, наверно, одиннадцати нет. Стоит ему

приблизиться к этой чертовой «Мнемозине» — она слижет его коротенькую память в несколько секунд.

— Мы не вправе упустить такую возможность.

— Он справится! — воскликнула Этери. — Там не так уж сложно. Я ему буду объяснять каждое движение, каждый шаг, поворот каждой ручки.

— Замолчите! Сразу видно, что своих дел у вас нет. А вы... Вам я вот что скажу. Если вы немедленно не прикажете мальчику бежать в дом лесника... И если случится несчастие — вам не удастся предстать потом героем, который сделал все, что мог, для спасения людей. Нет! Я всем, всем скажу, что сорок человек погибли от несчастного случая, а сорок первого погубили вы — вы! Вас будут судить! Да, судить. За убийство!..

— Тамара Евгеньевна!

Директор вскочил, сделал шаг в ее сторону, потом отступил и стал боком, открывая ей проход к дверям.

— Пожалуйста, покиньте рубку. У вас истерика. Вы мешаете нам работать.

Та посмотрела на него то ли с изумлением, то ли с укоризной — «и вы?», — но сказать уже ничего не могла. Только сжала виски ладонями и быстро вышла.

— «Визгом жалобным и воем надрывая сердце мне...» — прокричал репродуктор. — Ну что? Теперь-то верите, что я не чокнутый, как Сазонов? Почему вы замолчали?

Капитан встал, подвинул освободившийся стул Этери.

Та поспешно уселась на него, повернула к себе микрофон и зачем-то погладила его. Будто успокаивала.

— Да, Коля, мы верим. Память у тебя замечательная. И она в полном порядке. Теперь скажи — ты готов нам помочь?

— А чего делать?

— Я буду тебе говорить. Но ты должен исполнять каждый приказ в точности. Это очень важно — понимаешь? И все время сообщать мне по радио, что ты делаешь и что видишь перед собой.

— Это что же? Передатчик с собой таскать? Мне его не унести.

— Там в коридоре багажный кран. Такая скамейка, катящаяся по рельсам, — видел?

— Ага.

— Вот тебе первый приказ: взять скамейку, закатить ее в радиокомнату и погрузить на нее передатчик.

Послышались удаляющиеся шаги, немного погода — постукивание, пыхтение; все напряженно вслушивались, и когда раздалось «Фу, готово», — с облегчением вздохнули.

— Теперь выкатывай его в коридор и тяни за собой. Если антенна не пройдет в дверях, отогни — она гибкая. А электрический шнур вытягивай, не бойся. Он длинный, на катушке. Ну как? Пошло?

— Ага. Легко катится. Вышел в коридор — куда теперь? Налево, направо?

— Направо. Иди не спеша. Дверь шестая или седьмая, точно не помню. На ней написано: «Лаборатория Сильвестрова. «Мнемозина». Да, и пожалуйста: все время считай вслух.

— Кого считать?

— Никого. Просто числа по порядку: один, два, три, четыре...

— Умница, — шепотом сказал капитан и пожал руку Этери, лежавшую на столе.

— Зачем? — спросил Кия. — Думаете, я считать не умею?

— Так мы сможем следить за твоей памятью. Если начнешь сбиваться, прикажу все бросить и бежать в дом лесника. Ну, давай.

— Один, два, три, четыре...

Кия выговаривал каждую цифру гораздо старательней и торжественней, чем слова стихотворения. На счете «четырнадцать» он вдвуг умолк. В радиорубке затаяли дыхание.

— Что случилось? Почему ты замолчал?

— Пятнадцать, шестнадцать... Дошли мы до той двери. И табличку читали... Семнадцать, восемнадцать...

— Кто это «мы»? Сколько вас там?

— Да один я, один. Никого больше нет. Де-вятнадцать, двадцать.

— Что на табличке?

— «Мнемозина» какая-то... двадцать один, двадцать два, двадцать три... И снизу записка: «Идет опыт, прошу не входить». Двадцать четыре, двадцать пять...

Этери беззвучно пошевелила пересохшими губами. Капитан поймал ее взгляд, достал с полки сифон с газированной водой, наполнил стакан. Она благодарно кивнула ему, задыхаясь, отпила несколько глотков.

— Коля, теперь начинается самое важное и трудное. Ты войдешь в эту лабораторию...

— А если она заперта? Двадцать шесть, двадцать семь...

— Я скажу тебе шифр замка. Войдешь в нее — не пугайся. Возможно, на полу будет лежать человек без сознания.

— Какой человек?

— Ничего страшного, обыкновенный. Худой, в белом халате... У него очень высокий лоб. В общем, сам Сильвестров.

— Двадцать восемь, двадцать девять... Нет, высоколбого там нет. Он в вестибюле лежит, на полу... Так лежит, будто хочет гребануть руку и поплыть.

— Значит, у него хватило сил выбраться, — сказала Этери, оглянувшись. — Я больше всего боялась, что он свалился рядом с «Мнемозиной». В зоне самого сильного излучения.

— Я войду, а чего делать?

— Прежде всего, продолжай считать. Не делай никаких пауз. И считая, постепенно иди к окну. Там стоит большой аппарат — лампочки, переключатели, стрелки приборов. Ты что-нибудь смыслешь в радиотехнике?

— В кружке-то я занимался... Тридцать, тридцать один, тридцать два...

— Вот это молодец. Тогда входи. Когда дойдешь до аппарата, скажешь. Входи и считай.

Было слышно, как скрипнула дверь, как Кия ступил с мягкого ковра в коридоре на твердый пол комнаты, как зашуршали ролики подвесной дороги. Этери поднесла руку ко рту и прикусила кончики пальцев, капитан прибавил звук в репродукторе. Директор и радист, стоя у них за спиной, мучились вынужденным бездельем и непрерывно курили.

— ...Сорок восемь, сорок девять... Дошел до аппарата. Он, похоже, включен. Пятьдесят, пятьдесят один... Лампочки горят, гудит слегка...

— Коля, посредине прямо перед тобой — широкая никелированная пластина. По углам две защелки. Видишь?

— Да.

— Отстегни защелки и открой ее.

— А как она?.. Ага, понял... Сейчас... Во! — сама подскочила. Пятьдесят три, пятьдесят четыре...

— Что ты видишь перед собой?

— Вроде магнитофон... Или даже два... Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь... Один с широкой лентой, другой с тонкой... Пятьдесят восемь, пятьдесят девять... Широкая кончилась вся, катушки остановились.

— А тонкая я?!

— Еще крутится... Шестьдесят, шестьдесят один... Но тоже совсем мало осталось... Скоро остановится.

В радиорубке произошло движение. Все словно качнулось вперед, но капитан, раскинув руки, удержал — «не мешайте ей!» Этери напряглась, откинула волосы со лба и вдруг начала говорить быстро и решительно, не обращая ни на кого внимания. Каждая фраза звучала отчетливо, как команда, и тем страннее казались просительные, умоляющие интонации, прорывавшиеся время от времени:

— Все понятно... Считать больше не надо. Коля, тебе опасность не грозит. Но другим!.. Ты можешь спасти их. И должен! Только времени очень мало... Не перебивай. Больше всего: справа на пульте оранжевый переключатель. И надписи: торможение, растормаживание. На что он включен? Торможение?.. Я так и думала. Поверни его против часовой стрелки до щелчка. Повернул? Широкая лента пошла в обратную сторону?.. Очень хорошо. Теперь самое главное. И самое ответственное. Сосредоточься только на деле, ни на что не отвлекайся. Слева на стене ящик. Он не заперт. Достань из него три вещи: запасную бобину с тонкой лентой, зажим, похожий на бельевой, и розовую бутылочку с клеем. Тебе приходилось склеивать магнитофонную ленту?.. Смазай кончики клеем, сжать, под пресс — все верно. Только о прессе не может быть и речи. Клейте тебе придется на ходу. Катушка не должна останавливаться ни на секунду — понял? Там, у

основания вращающейся бобины, торчит свободный кончик ленты. Вот его надо подслепить к запасной. Знаю, что трудно, знаю... Но Коля — надо, чтоб вышло! Причем с первого раза. Второй попытки не будет. Ты готов? Оба конца смазал? Теперь быстро соедини их и сожми зажимом... Ну?.. Зажим пусть крутится с катушкой — ничего, он легкий. А запасную поворачивай, поворачивай, чтобы лентя не перекутилась. Много еще ее на катушке?.. Следи, Коля, следи. Когда останется несколько витков,ними зажим... Не бойся, клей особый, схватывает за минуту. Запасную бобину насади на палец или на карандаш. И приговоришь — тебе придется ее немного подержать вручную. Потом снимешь ту, опустевшую, насадишь на освободившийся штырек новую. Что? Кончается? Быстро — снимай зажим! Запасную поворачивай до последнего момента!.. Коля, миленький, ну? Что там у тебя? Что?

Пауза тянулась несколько секунд.

Им показалось — часов.
— Вроде, пошла... — голос Кили звучал слабо — видимо, забыл повернуться к микрофону. — Тянет. Запасную теперь тянет. Я думаю, порвется на склейке, — аи нет. Клей у вас хороший. Дадите немного?

— Веси! Я тебе весь клей подарю! Ты... Попроси чего-нибудь еще. Проси, что хочешь! Ты сам не знаешь, как ты...

Она не могла больше говорить.

Директор помог ей подняться, вывел в коридор подышать.

Капитан, отирая капли пота со лба и щек, занял ее место.

— Коля, тебе сколько лет?

— Одиннадцать. А что?

— Я старше тебя на двадцать пять лет. Но не знаю, справился бы я, как ты. Молодец. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Только спать охота. Но если надо...

— Надо, Коля, надо очень. Следи за лентой. Держи клей наготове. Если повиснет... Не засыпай, очень тебя прошу. Хочешь, я артиста вызову сюда, чтоб он тебе историю рассказывал? Страшные. Или веселые. Только не засыпай. Если ты заснешь — другие могут не проснуться.

— Ладно. Я щипать себя буду. Ой!..

— Что — очень больно?

— Нет. Штаты услышала. Кто-то идет сюда по коридору. Входит...

— Не бойся, Коля, не бойся. Ты включи

широкую ленту на растормаживание — люди постепенно приходят в себя. Кто там вошел?

В репродукторе раздался неясный шум, изумленный мужской голос произнес: «А ты что тут делаешь?»

— Ничего страшного, — сказал Коля. — Это Сазонов. Если будет хулиганить, я ему сейчас дам конфетку, он и заткнется.

— Дай ему лучше микрофон, — улыбнулся капитан.

— Научный городок? Вызываю Научный городок. — Сазонов говорил внятно, но как-то неуверенно. Будто удивлялся, что слова слетают с его языка так послушно и именно то, какие он хотел. — Андрей Львович, это вы? Докладывает Сазонов.

Директор поспешно вернулся в радиорубку, сел к столу.

— Не надо докладывать, Юрий Семенович. Вряд ли вы сможете сказать нам что-то новое. Скорее — мы вам.

— Но что здесь произошло? Кажется, я был без сознания. Сейчас час ночи, а прибыл я...

— Вы прибыли днем, в два. И как все прочие, попали под сильное излучение, подавляющее память. Но ваше счастье, вам досталась небольшая доза, часа полтора. Где-то около

четырех излучение прекратилось. Поэтому и сознание вернулось к вам раньше, чем к остальным.

— А что с остальными? Я видел только троих: Сильвестров, начальник домика Дергачев и лесник. Все трое без сознания. А ребенок? Что он здесь делает с передатчиком? Знаете, я хорошо помню, как прибыл, как вышел из вездехода, добрался до «Карточного домика», обошел его снаружи, а дальше...

— Потом, Юрий Семенович, все расскажете потом. Сейчас главная ваша задача — обеспечить порядок до прибытия спасательного отряда. Сознание и память будут возвращаться к людям постепенно. Возможно, кто-то испугается, впадет в панику. Вы должны успокоить их, добиться, чтоб спокойно ждали врачей. Мы будем утром, часам к шести. Сами-то вы в каком состоянии?

— Вроде бы, в нормальном. Только вижу все каким-то непривычно ярким. Будто глаза мне промыли. А так ничего.

— Вот и прекрасно. Что же касается мальчика (ребенка, как вы его называли), поклонитесь ему низко от нас всех. Да и от себя тоже. Если бы не он... Будет трудно — он вам поможет. Да-да, уверяю вас: из этого «ребенка» можно положиться.

Был уже пятый час ночи, когда мощный сноп света ворвался в окна ночлеговских домов.

Анечка, задремавшая было над своим аппаратом, вскочила, набросила полушубок, замотала голову платком и выбежала на крыльцо.

Рев моторов надвигался по улице и, казалось, распахивал, подминал под себя вой ветра. Издали сквозь несущуюся муть сверкнула ослепительная звезда прожектора, луч скользнул по крышам, по заборам, по колонне машин, медленно ползушей по расчищенной полосе. Вспухающий снежный вал накатывался все ближе, и кабины двух бульдозеров еле виднелись над его гребнем. Не доезжая здания почты, колонна свернула и так же медленно и неумолимо поползла по целине, нащупывая гусеницами заброшенную дорогу, ведущую к лесу, в сторону «Карточного домика».

Не в силах сдержать радостного возбуждения, Анечка что-то крикнула, замахала рукой, как машут дети проходящему поезду, потом вернулась в дом. Уже с порога услышала писк зуммера, под села к аппарату.

— Да, Алексей Федотыч, да! Прошли они, только что! Машин, тракторов — не счесть! Одних санитарных штук восемь. А санитарных-то зачем так много? Вы же говорили, что обошлось, что все в этом институте живы остались.

— Живы-то живы, но в себя, видать, не сразу придут после такого... Это, знаете, мелом на доске написанное легко стереть и потом записать снова. А если стерта память... Эксперимент совсем новый, неслыханный, так что медицине здесь нужно в оба глядеть.

— А с тем что? С самим? Который вскош заварил?

— С ним хуже всего. Он ведь над собой опыт ставил, так что ему больше всех досталось. Я только что разговаривал с Научным городком: опасаются за жизнь. Единственный он из всех до сих пор в сознание не пришел.

— Беда... Но, может, поспеют еще, спасут? Так хохло идет, что за час, думаю, доедут. Тепер, говорят, чуть не с того света научились возвращать. Как это называется? Ре... Руминация?

— Реанимация. А кстати, знаете, кто там первый на помощь пришел? — Алексей Федотыч не мог сдержать горделивых ноток. — Наши ребята, интернатские. Те, что заблудились и туда забрели. Как и что, еще не знаю, но из Научного сказали: спасибо за таких ребят. Будем их награждать.

— Ну, вот, а вы так волновались. Я же говорила, что все обойдется. Не маленькие они, чтобы пропасть совсем.

— Боюсь только, что дома их по-другому

наградят. Вы, Анечка, свяжитесь еще раз с Зипунами — предупредите, успокойте. Объясните, как все вышло.

— Хорошо. Сейчас попробую.

Но не успела она нажать на кнопку вызова — Зипуны позвонили сами.

— Анечка? Ешкилева говорит. Ну, что там? Не слышать чего нового? Вроде и объяснили мне, что нашлись они, а все равно — места себе не нахожу.

— Не волнуйтесь, Катерина Андреевна, все хорошо. Ребята живы-здоровы. И отряд спасательный с врачами только что туда проехал. Думаю, к утру привезут их, увидите.

— Ох, прямо и не знаю: верить тебе аль нет. Может, ты меня просто утешить хочешь, а? Ведь если б случилось что худое, сразу бы не сказала? Так же бы подготавливала сперва, успокаивала, а потом хлоп! — обухом по голове.

— Да вы что? Что вы такое говорите? Ну, вот погодите, я вам сейчас докажу. Хотя и просили меня не звонить, не беспокоить зря, но... Сейчас...

Она перегнулась через стол к радиотелефону, сняла трубку и, прижав ее щекой к плечу, постучала по рычагу.

— Дом лесника?.. Кто это? Дима, ты? Не заснул? Можешь поговорить со своими Зипунами? Катерина Андреевна очень беспокоится, не верит мне про вас.

— Тетя Катя?! — голос Димона звучал явно, но словно бы сквозь трубу. Наверно, прикрывал рот ладонью. — Я это — я! Снегирев, да. Целы мы, все целы — не волнуемся. И Колька ваш — он рядом на лавке спит... Нет, он по-нормальному спит — не бойтесь... Устал... Будить? Не могу — рука не поднимается. Он три часа около «Мнемозины» дежурил. Сейчас его Лавруша сменил. Ну, около машины этой. Тетя Катя, я вам хочу сказать про Кольку: вы не знаете... Не знаете, какой он выдающийся. И мы не знали. Пусть! Пусть выдающийся неслух! Зато мы-то все оказались слишком послушные. Нам приказали бежать из здания, мы и драпанули. А он — нет! Единственный не послушался и остался... Просто почуял. Почувствовал, что нельзя уходить. Если б не он... Я тоже чуял, что нельзя, но не так сильно — и ушел. Эх, зря я вам рассказал. Вы теперь еще больше его ругать будете... Но мы его теперь, знаете, как будем защищать! А что — даже и от вас. Потому что он теперь всегда — с нами. Навсегда... И если кто-нибудь в деревне или интернате хоть пальцем...

Анечка, слушая этот разговор, согласно кивала, улыбалась и показывала рукой на радиотелефон, будто хотела сказать: «Вот видите? А вы не верили».

В ТРЕХ АМЕРИКАНСКИХ ГОРОДАХ

САН-ФРАНЦИСКО НОЧЬЮ, УТРОМ И ВЕЧЕРОМ

Это будет рассказ про Сан-Франциско, про первый город из тех, что я повидал в Соединенных Штатах, но начнется он далеко от Тихого океана, на северо-востоке, возле Великих озер.

Дело в том, что когда я перелетел из канадского города Ванкувера в Сан-Франциско, я по существу пересек границу Соединенных Штатов во второй раз, а в первый раз это произошло именно там, на северо-востоке, у Великих озер...

После многочисленных заседаний и деловых встреч мы, несколько советских граждан — гостей Канады, решили провести день на Ниагарском водопаде, отдохнуть. Мы постояли под кошками ниагарскими брызгами, которые через реку приносил к нам ветер, полюбовались гигантским водяным обвалом со смотровой площадки специальной вышки, и нам очень захотелось попасть под струи водопада, тем более что там, под струями, — это мы видели, — сновали маленькие прогулочные катера.

На скрипучем фуникулере спустились к пристани. Здесь нас нарядили в длиннополые клеенчатые одеяния с капюшонами (чтобы не промокли!), и, став похожими на заправских рыбаков, мы взобрались на катер.

Матрос-рулевой сказал:

— Перед нами Ниагарский водопад. Он разделен на два потока маленьким Козьим островом. По этому острову проходит граница между Канадой и Соединенными Штатами. Левая часть водопада — американская; правая — подковообразная — канадская. Сейчас мы пересекаем границу Соединенных Штатов...

Тогда я не обратил внимания на последнюю фразу: нас уже стало окутывать водяной пылью, вокруг катера вспыхнули радуги...

Мы прошли мимо американской Ниагары, сделали круг возле Ниагары канадской. Вода струями бежала по нашим клеенчатым одеяниям, попадала за воротник, в ботинки, но на все это мы не обращали внимания: уж очень завораживающим было зрелище — буйство воды и яркие радуги...

И вот теперь, в Сан-Франциско, я с улыбкой вспомнил, что границу Соединенных Штатов однажды уже пересекал...

Самолет прилетел поздно вечером. Было совсем темно, когда я вышел в город. Редкие фонари тускло освещали заборы и невысокие здания. Громко ругаясь, прошли два человека, — прошли покачиваясь, явно навеселе...

Ходить по неосвещенным улицам было неприятно — я вернулся в гостиницу.

Позже я узнал, почему на ночных американских улицах так мало света...

Мы ехали в такси в сторону океана. В темном небе дрожал прожекторный луч. Мы спросили: что это за прожектор? Шофер объяснил:

— Прожектор — это реклама. Открывается новая гостиница, или ресторан, или кинотеатр — хозяин ставит перед входом прожектор... В южных темных ночах свет далеко виден... На этот свет, как мотыльки, и слетаются туристы... Но сейчас прожекторов стало совсем мало: экономия энергии, нефти...

О том, что в стране не хватает нефти — «назревает энергетический кризис», — мы слышали и от других американцев. Лица их были тревожны, озабочены, когда они говорили: «Города стали освещаться хуже...»

Утренний Сан-Франциско — оживленный, веселый. Потоки машин устремляются к огромным, парящим над заливом мостам. По центральным улицам грохочут трамваи — вагончики-малютки, обвешенные гроздьями пассажиров. Раздвинуты решетки на магазинных витринах...

В эти часы тихо, пустынно в Сан-Франциском парке. Плещется рыба в прудах японского садика. Застыли в своем волебре бизоны. Листва на огромных деревьях не шелохнется.

Сан-Франциский парк — гордость американцев. Рассказывают такую историю об его основателе, биологе Джоне Маклерне: «Несколько десятилетий труда потратил Маклерн, чтобы вырастить этот великолепный парк. Наконец, широко распространили кроны посаженные им деревья, ягодные кустарники дали плоды, бизоны почувствовали себя здесь, как в настоящем лесу. Парк полюбили горожане, слава о нем пошла по всей Америке.

Джона Маклерна пригласили городские власти.

— Своим трудом, своим под-

Ниагарский водопад

выгод, — сказали ему, — вы заслужили самую высокую награду. Скажите, какую именно награду вы хотите, — и вы ее получите!

Джон Маклерн подумал немного и ответил:

— Сто тысяч тонн навоза!

Городским властям пришлось выполнять свое обещание, и с помощью полученных удобрений Маклерн вырастил новые замечательные растения».

Вечером зажигаются огни у подъездов сан-францисских кинотеатров, но зрителей в этих кинотеатрах почти нет: американцы предпочитают телевидение. Программ много: две спортивные, развлекательная, политическая, несколько кинофильмов. И по всем программам — реклама.

...Шел фантастический фильм «Гибель Атлантиды». Зодей — ученый, владеющий тайной «огненного луча», — решил поджечь флот. Вот он навел свой луч на стоящий у причала парусник, и... на экране диктор: «В этой семье по утрам едят только корнфлекс... Корнфлекс! Все — 50 центов» (изображение довольной семьи и коробок с корнфлексом)... А парусник уже загорелся. Пожар охватил не только корабли, но и город. Вот уже часть острова-государства стала

уходить под воду. Бегут, спасаясь от гибели, герой и героиня, и... на экране диктор: «Кока-кола! Кока-кола! Банка — 25 центов» (изображение банок кока-колы)... Но где же спасение?! Почти вся Атлантида погрузилась в океан!.. Может быть, вон та лодочка сохранит героя жизнь?... И... на экране диктор: «Фольксваген». Удобно! Дешево! 4.000 долларов в рассрочку» (изображение машины)...

ДИСНЕЙЛЕНДСКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Октябрь; солнце белое, знойное, и кажется, что город застыл от жары. Не шелохнутся высокие пальмы, не шелохнется вода в голубеньких лужайках бассейнов. Но вот справа какое-то движение: в крохотном пространстве между двумя домиками то опускается, то поднимается похожая на длинноногую птицу металлическая конструкция. Это нефтяная качалка. Если приглядеться, можно увидеть такие качалки и дальше, в глубине кварталов. Работают они автоматически, без человека, так что нигде — ни души!.. Оживлена только лента шоссе. Поток машин движется в одну сторону — в ту же, куда и наш автобус, — в Диснейленд...

О Диснейленде — Стране Диснея — парке аттракционов — я, конечно, слышал и до поездки в Соединенные Штаты, но не предполагал, что он такой огромный. На площади, перед входом, вдоль стоянки автомашин, размашисто шагают столбы монорельсовой дороги. По ней мягко скользят поезда-ракеты, уносятся куда-то вдаль, за густые кроны деревьев... Да, здесь надо спешить, если за одно воскресенье хочешь осмотреть весь парк!..

Первый аттракцион — «Железная дорога», такая, какой она была в прошлом веке: маленький паровозик с трубой-воронкой, открытые — без стен — вагончики. Начальник станции дал сигнал, паровозик тоненько свистнул, и мы медлен-

РИСУНКИ АМЕРИКАНСКИХ ДЕТЕЙ

Сэм Грэт, 11 лет ШЕСТВИЕ

Елизабет Колон, 13 лет КОНКУРС КРАСОТЫ

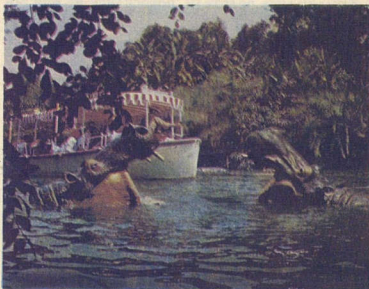

**Встречи
с любимыми героями
фильмов Дисней**

**В СКАЗОЧНОЙ
СТРАНЕ ДИСНЕЯ**

но поехали... на сто лет назад. Сначала изменение во времени было незаметно: рядом с насыпью росли кусты и деревья (они одинаковые — что в нашем веке, что в прошлом!), но уже на первой станции все выглядело необычно. На перроне возвышалась пожарная бочка — огромная, наполненная водой, — разве увидишь теперь такую! Рядом с нею — весы с передвижной гирькой на шкале. Из открытого окна станционной будки раздавался треск телеграфного аппарата... Тихая провинция!..

Но паровоз снова свистнул, и мы покатались мимо широкой реки, поля, — в лес. Из леса доносился непонятный шум: треск ломаемых сучьев, крики, собачий лай. Паровозик миновал опушку, и мы увидели неожиданное: горела старая крепость. Языки пламени лизали высокий частокол, башню. Вокруг стояли индейцы. Было понятно: крепость подожгли они...

Пережив первое впечатление от картины пожара, я подумал о том, что ведь все это искусно сделанная декорация: огонь извергается из газовых труб, индейцы — просто манекены.

Но — словно услышав мои мысли — один из индейцев поднял кулак и погрозил в нашу сторону, а собаки запрыгали, залаяли, завертели хвостами. Паровозик прибавил скорость, крепость скрылась за поворотом...

Паровозик вбегает в узкий тоннель — тоннель тоже «прошлого века»: с каменными, плохо оштукатуренными стенами. И тут, в этих стенах — в уменьшенном, естественно, виде — точная копия Великого Каньона: скалы, деревья, птицы. Чуть дальше — вторая диорама: «Великий Каньон в доисторические времена». Медленно движутся динозавры; какое-то чудюще выуляется из яйца; над самым вашим ухом кричит птица с перепончатыми крыльями. И динозавр, и чудюще, и птица — они, как индейцы в лесу, который мы миновали, — манекены, но механические, движущиеся, как живые.

Только после того, как на очередной станции я сошел с поезда и, посидев на деревянной скамейке, отдышался от пережитых впечатлений, я стал замечать людей вокруг себя.

В основном это были папы и мамы с детьми. Дети — самых разных возрастов.

Два мальчишки — черноглазые и черноволосые — сидели рядом со мной. Они внимательно смотрели на площадку перед вокзалом, явно ожидая кого-то. Появились мужчина и женщина — папа и мама, — это определялось сразу: мальчишки и они, все четверо, были очень похожи друг на друга.

Я невольно прислушался к словам папы. Он сказал о том, что вот-вот должен подойти к пристани пароход «Марк Твен».

«Марк Твен» появился из-за поворота реки — величественный, белоснежный. Черными были только две его высокие тонкие трубы да лопасти колес на корме.

Вместе с чернявыми мальчишками, их папой и мамой я поднялся на палубу. Пароход загудел. Теперь нас ожидало путешествие по Миссисипи, по такой Миссисипи, какой она была в самом начале нашего века...

Одного из чернявых мальчишек звали Джимом, другого Томом. Это я понял из частых окриков мамы. Мальчишки бегали от борта к борту; мама волновалась; «Джим!», «Том!» — то и дело звала она.

Но разве можно было их успокоить! Слева по борту показалась пристань. По ней прогуливались мальчишки и девочки в костюмах марктовенских героев. Джим, который был чуть старше Тома, восторженно объяснял брату:

— Том Сойер!.. Бекки Тэчер!.. Гекльберри Финн!..

Возле следующей пристани стоял старый парусник, — и его ребята рассматривали с восторгом, — а когда поплыли дальше, прекрасную картину развернул перед нами берег: поля, далекий лес и бегущий к нему паровозик с трубой-воронкой. Я знал: за деревьями паровозик ожидает горящая старая крепость...

Так случилось, что и на следующий аттракцион я попал с Джимом, Томом и их родителями. Аттракцион назывался «Дом с привидениями».

Сначала мы оказались в зале заброшенного замка: полумрак, паутина по углам. На стенах старинные картины — портреты аристократов в средневековых костюмах. В какой-то момент все портреты неожиданно улыбнулись и превратились в изображения страшных старух...

Нам предложили сесть в кресла. Мы сели. Кресла вздрогнули и... поплыли в соседние помещения. В каждом из них ужасы нас ожидали: невероятные: пляски мертвецов, «живые» отрубленные головы, скелеты, вылезающие из гробов...

Я смотрел на Джима и Тома. Сначала они улыбались, но потом их лица приняли сосредоточенное, усталое выражение.

На улице я потерял из виду мальчишек и их родителей, и — сознаюсь — очень жалеал об этом, потому что дальше мой путь лежал в «Африку» — там на маленький наш катер напал бегемот, и, если бы не точный выстрел матросарулевого, неизвестно, чем бы все это кончилось.

Снова я увидел своих «знакомых незнакомцев» лишь к вечеру, в кафе. Семья — все четверо, каждый со своим подносом — шла от столика к соседнему с моим столику. Неожиданно Том неловко повернулся, толкнул Джима, и у того опрокинулся стоящий на подносе стакан с апельсиновым соком. Потекла оранжевая жидкость, далеко в сторону отскочил кусочек льда. Джим поставил поднос на стол и дал Тому подзатыльник. Это не была веселая игра — Джим был разгневан. Грустными были глаза родителей. Они не подошли второй раз к стойке, не наполнили соком еще один стакан, они поделили на четверых то, что сохранилось в трех стаканах. Об их переживаниях догадаться можно было безошибочно: «Диснейленд — дорогое удовольствие... Недешево стоят аттракционы... Недешево стоит апельсиновый сок...»

Еще один раз я увидел Джима, Тома и их родителей вечером, возле выхода. Одной рукой Джим держал за руку Тома, в другой нес воздушный шарик с изображением Микки Мауса. Взгляды мальчишек и мой встретились. Мальчишки словно бы что-то припомнили. Может быть, они обратили на меня внимание на палубе парохода «Марк Твен» или в «Доме с привидениями»... Тем более что по незнанию климата одет дядя был необычно: костюм, галстук, — а все гулял здесь в рубашках с короткими рукавами и джинсах.

Заулыбались родители, покосились на мой костюм:

— Вы иностранец?

— Да, я из Советского Союза...

Гремлины оркестры. Спешила к выходу толпа. Ее потоком меня отнесло в сторону. Я еще раз поймал взгляды Джима и Тома. Мальчишки махали мне руками.

— Бай, бай! — услышал я сквозь шум (я уже знал, что «бай, бай!» в разговорной речи — то же самое, что «гуд бай!» — «до свидания»).

— Бай, бай! — помахал я мальчишкам.

И услышал, как Джим крикнул чуть с акцентом по-русски:

— До свидания!..

В ШТАБ-КВАРТИРЕ ООН

В Нью-Йорке живу в отеле «Коммадор», что на 42-й улице. Конечно, 42-я — не 5-я авеню, да еще в районе Центрального парка, где музеи, особняки богачей, где тишина, где в солнечный день, если откроешь банку с кока-колой, не отбиться от шмелей-сластен. Но 42-я — это и не Гарлем, с его красно-кирпичными старыми стенами, ржавым железом пожарных лестниц по фасадам, мусором. Улицы как улицы: гудки машин, вечно куда-то спешащие толпы народа...

Каждый день, выходя из отеля, вижу проезжающие мимо желтые автобусы. В них — школьники.

— Куда это они все едут? — спрашиваю у швейцара.

— В ООН или из ООН, — отвечает швейцар. — Здание ООН здесь рядом... Так принято: каждый школьник Нью-Йорка должен обязательно побывать на экскурсии в Организации Объединенных Наций...

И до этого разговора я хотел сходить посмотреть на штаб-квартиру ООН, теперь сомнений не оставалось: надо идти!..

Возле высокого (сорок девять этажей!) и плоского, как спичечный коробок, здания присоединяюсь к школьной экскурсии. В вестибюле — осмотр подарков. Советский Союз подарил ООН первый искусственный спутник Земли. Он висит под самым потолком, широко расправив свое антенное оперение. Подарок американских космонавтов — кусочек лунной породы — серый пористый камень под стеклянным колпаком. Изделия народных умельцев — восточные ковры. Подарки художников — Марк Шагал подарил ООН свой витраж — голубой, яркий...

Мы задерживаемся возле подарка японских школьников — колокола, отлитого из металла, собранного самой японской детворой. На колоколе надпись: «Мир во всем мире!»

Поднимаемся в залы заседаний: генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, комитетов.

В каждом зале — рассказ гида о том, какая работа здесь проводится, вопросы к ребятам:

Здание Организации Объединенных Наций

— Кто может перечислить государства, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности?

— Имеет ли ООН свои вооруженные силы?

— Что такое «право вето»?

Ребята тянут руки высоко — каждый хочет, чтобы спросили именно его. Пусть даже несколько и обострен дух этого соревнования: «Я знаю!», «Я знаю!», «Я знаю!» — ничего плохого, как мне кажется, здесь нет. Действительно, зачем скрывать, если знаешь?! Те же, кто не могут ответить, слушают товарищей внимательно, и — это я заметил — не считают их выскочками...

Когда мы выходили из здания ООН, к подъезду то и дело подкатывали машины с флажками разных государств — собиралось внеочередное заседание Совета Безопасности (внеочередное заседание собирается тогда, — это ребята уже знали из объяснений гида, — когда в какой-нибудь точке земного шара вспыхивает вооруженный конфликт). Из машин выходили дипломаты. Им предстояла сложная борьба с теми, кто развязывает войны. На одной из машин я увидел красный флажок Советского Союза...

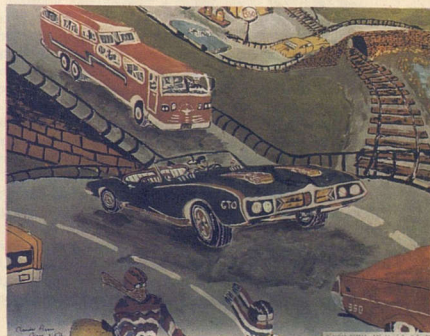
Сан-Франциско — Лос-Анжелес —
Нью-Йорк — Ленинград
1973, октябрь

РИСУНКИ АМЕРИКАНСКИХ ДЕТЕЙ

Д. Гетте, 9 лет
ЦИРК В НЬЮ-ЙОРКЕ

Клавдио Персик, 11 лет
АВТОСТРАДА

ОПЛАКАННЫЙ СВОБОДОЙ

Изм. Ивановский
Рисунки А. Сколзубов

В июне 1823 года Джордж Гордон Байрон отправил в Италию в Грецию. Там шла война. Греки восстали, чтобы сбросить турецкое иго.

Суденышко, словно в насмешку, называлось «Геркулес». Оно было маленькое и валкое, а ветер крепчал. Первая попытка не удалась, пришлось вернуться в порт, потому что в трюме валялись лошадей и сильная качка грозила переломать им ноги.

Высадился в Кефалонии. Это еще не материк, но уже греческая земля. Теперь нужно было ждать, когда в одну из темных южных ночей подует благоприятный ветер и можно будет проскользнуть мимо громадных турецких военных кораблей.

Байрону было тридцать пять лет. Современники уже признали его как великого поэта. Совсем еще молодой Пушкин в следующем, 1824 году, когда Байрона не стало, написал стихотворение «К морю». Он назвал Байрона властителем дум и, обращаясь к свободной стихии моря, сказал:

*Исча, оплаканный свободой,
Остала миру свой венец.
Шлужи, аэролюбий непотодой:
Он был, о море, твой певец.
Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим;
Как ты, молуц, гллубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.*

Этому человеку было дано многое: он был красив, богат, знаменит. Он мог бы поселиться в любой стране — кроме Англии, правители которой изгнали его за революционные стихи — и жить для себя, в свое удовольствие.

Но жить для себя Байрон никогда не мог. Его первым самостоятельным шагом была речь в парламенте в защиту тучаев. Байрон сказал парламенту, что доведенный до крайности народ восстанет и сметет своих поработителей.

С тех пор он не изменял себе. Новые и новые политические стихотворения вызывали страх и ненависть хозяев жизни — аристократов и бур-

жуа, министров и продажных литераторов — и радовали друзей свободы.

Теперь исполнилась давнишняя мечта Байрона — бороться за свободу народов с оружием в руках.

В Кефалонии Байрону пришлось ждать несколько месяцев. Там родились стихи, позднее переведенные Александром Блоком:

*Встревожен мертвых сон, — молу ли спать?
Тираны девят мир, — я ль уступлю?*

рега впасть. Он пламя и поддерживал маленькую девочку-гречанку, которую еще на корабле пообещал спасти. Потом, холодным декабрьским утром, промокший до нитки, он согрел ладонями озябшие руки ребенка. Эта девочка была как бы самой Грецией, которую надо было спасти от гибели.

И в день своего рождения Байрон написал стихи о свободе. Он упрекал человечество в равнодушии, в том, что никому нет дела до героической борьбы Греции против турецкого ига.

*...О Греция, прекрасная вид
Твоих мечей, твоих знамен!
Спартаксу, поднятый на щит,
Не покорен.*

*Встань! (Не Греция встань —
Уже восстал сей древний край!)
Встань, мой дух! И скорби дань
Векам влады.*

*Что ж, человечество, поразь
Топчи ожившие мечты!
Тебе не нужен свет добра
И красоты.*

*Но если ты, поверив в ложь,
Стыдишься юности своей, —
Погибни! Ты консу найдешь
Среди мечей.*

*Пускай могила ждет солдат,
Свой долг исполнили они.
Так брось назад прощальный взляд
И в ней усьи.*

А затем, в последние полгода жизни, Байрон не написал почти ничего. Он вел переговоры с вождями восстания и приводил в порядок финансы. Он обменивал военнопленных и создавал мастерские, обучал новобранцев и реорганизовывал греческий флот. На свои средства он содержал отряд в пятьсот человек. Застыгнутый в торах обывок, он первым берется за охоту, чтобы откопать засыпанных людей. Когда при разгрузке корабля в порту произошла заминка, он первый начинает таскать грузы.

Байрон записывал в своем дневнике: «За отсутствием здесь каминов я привык обходиться собственным телом и плащом». «Вчера схватил простуду оттого, что слишком долго ругал под дождем греков, которые не желают помочь выгрузке припасов».

Байрон переутомился. Здоровье его было подорвано пребыванием в болотистой местности. Весной 1824 года его свалила лихорадка. Судороги и мучительные боли не давали ему отдыха.

Он умер, и в Греции объявила национальный траур. На гроб Байрона, накрытый черным плащом, положили шлем, меч и лапавый вензель.

Тело Байрона похоронили в Англии, и надгробная надпись гласит о том, что он «умер в Миссолунгах, в Западной Греции, 19 апреля 1824 года, при героической попытке вернуть этой стране ее древнюю свободу и славу».

*Созрела жатва, — мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...*

Такие стихи нельзя безмятежно сочинить в чаше досуга.

Наконец, короткое и трудное путешествие состоялось. Но греческий военный корабль разбился о камни, а экипаж попал в плен к туркам. Байрону удалось спастись: он добрался до бе-

«ГИДРОГРАФ»

ИТОГИ ИГРЫ

В 1973 году «Костер» проводил пионерскую морскую игру «Экспедиция «Гидрограф». Командовал экспедицией контр-адмирал Н. В. Скосырев.

За деятельное участие в экспедиции «Гидрограф», за лучшие ответы, за проведение операции «Навигационный огонь» (охрана средств навигационного обеспечения на морях, озерах и реках СССР), за летние гидрографические походы штаб экспедиции награждает грамотами ВМФ СССР и ценными подарками:

1. Отряд «Варяг-5» морского клуба «Золотой Рог», начальник отряда Витя Тутолин (пос. Мамакан Иркутской обл.), — набором инструментов судовой гидрометеостанции, лощей и морской картой;

2. Отряд «Рыцари моря» клуба юных моряков при об-

ластной детской библиотеке, начальник отряда Боря Тупиев (г. Свердловск) — секстаном, лощей и морской картой;

3. Отряд «Отчаянный», начальник отряда Лена Кулешова (г. Томск, ср. школа № 50, 7 «а» класс) — секстаном, лощей и морской картой;

4. Отряд «Бриз-3», начальник отряда Коля Поповнин (пос. Н. — Березовка Костромской обл.) — штурманским про-

кладочным инструментом, лощей и морской картой;

5. Отряд «Фортуна-1», начальник отряда Лариса Абрамова (г. Стерлитамак, БАССР) — штурманским прокладочным инструментом, лощей и морской картой;

6. Отряд «Витязь-2», начальник Вера Фридмар (г. Актюбинск) — звездным глобусом, лощей и морской картой;

7. Отряд «Линкор Европа», начальник отряда Миша Шилин (Ленинград) — звездным глобусом, лощей и морской картой.

Штаб экспедиции награждает грамотой ВМФ СССР и памятным подарком (лощия и морская карта):

1. Отряд «Упорный», начальник отряда Марина Пыхтина (д. Мамыри Московской обл., ср. школа № 3, 6 «а» класс);

2. Отряд «Днепр-1», начальник отряда Олег Бублиенко (г. Донецк, ср. шк. № 31, 7 «а» класс);

3. Отряд «Лощия-1», начальник отряда Витя Мельничук (с. Песчана Одесской обл.).

4. Отряд «Челюскин-1», начальник отряда Сережа Дмитриев (г. Тольятти Куйбышевской обл.).

КОНКУРС МОДЕЛЕЙ

Штаб экспедиции «Гидрограф» награждает за лучшую модель — гидрографический промерной бот — отряд «Катамаран-6», начальник отряда Андрей Козлов (г. Подольск Московской обл.) — кинокамерой.

Второй приз — фотоаппарат «Смена» — присуждается за модель подводной лодки Ване Бучковскому (с. Комсомольское Николаевской обл.).

Третий приз — набор столярных инструментов — за модель

подводной лодки присуждается Вите Мельничуку (с. Песчана Одесской обл.).

Рисунки О. Зуева

Ворона, которая не умела шутить

— Дзинь-ля-ля-ля-ля, дзинь-ля-ля-ля-ля... — за-
кричала кошка и выбежала на дорогу.
— Мяу, — попятился от кошки трамвай, —
мяууу!
А большущий грузовик подъехал к вороне.
— Каррр? — спросил у вороны грузовик.
— Ну и дела, — подумала ворона. — Ну и
дела.
И на всякий случай тихонько загудела:
— Би-биии...

— Ха-ха-ха... — расхохотались трамвай и
кошка.
— Каррр! — сердито сказала ворона.

Льва боятся все

Льва боятся все. А я не боюсь.
Наверное, я очень смелый. И сильный.
И все такое прочее.
Я вчера льву так сказал:
— Папа, а я тебя не боюсь.

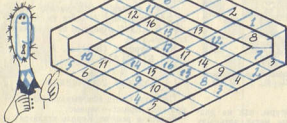
Борис Чабан
Рисунок Т. Капустинной-Хонен

Девяшня и Хуссейн организовали небольшую выставку «ИЗ ИСТОРИИ ТЕХНИКИ». Не кажется ли вам, что устроители выставки запутаны в распределении табличек с именами изобретателей и названиями изобретений? Если вы сможете правильно распределить таблички под рисунками, то из букв, выделенных цветом, узнаете девиз, под которым проходила выставка.

ДЕВЯШНЯ, ХУССЕЙН, СИВОПАЛЫЧ И ГИМ-ПРОСТОРЭДИМКОШКО ИЗБИРАЮТ В ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ КЛУБА «ДО СЕМЬЮ ПЕЧАТАНИИ» ВОСЬМИНАСТИЦАЩУ ИЗ СЕЛА КИЗОВО АЛТАЙСКОГО КРАЯ (АЛЮ ЗАРЕЧЕВУ — неумолимо составляющую остроумных и красивых чайнвордов и кроссвордов и предлагаю вашему вниманию две ее работы.

ЧАЙНВОРД. Каждые последние две буквы предыдущего слова являются первыми двумя буквами последующего слова. Одинаковые цифры обозначают начало и конец слова.

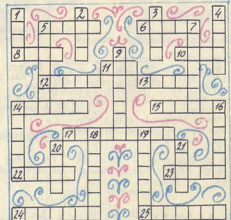
1. Правый приток Волги.
2. Металловое орудие.
3. Вид меховой обуви.
4. Часть цветка.
5. Важный орган слуха.
6. Союзная республика.
7. Газоводность обильной говяжьей котлеты.
8. Стадо овец.
9. Вид детельного скрапада.
10. Растения из семейства пасленовых.
11. Истия, на требующаясь для работы.
12. Авиационная птица семейства ястребов.
13. Дур устаревших на семейства жимолостных.
14. Город в Эстонской ССР.
15. Духовой инструмент.
16. Минеральная вода.
17. Мелкая морская промысловая рыба.

Составил в оформлении В. Уфлянд

КРОССВОРД «ЗАГАДКИ»

По вертикали: 1. «Языка нет, а рассказывает». 2. «Подходить к дому стала — небеса солнце укрываю». 3. «Не барышек и не кот, носит шубу круглый год. Шуба серая — для лета. Для зимы — другого цвета». 4. «Маленький конь, а все озеро выплывает». 5. «Пером свист, глазами мотает». 7. «Мне зеленый клыкоток ноги голые обжог. У заборов он бывает, никогда не осыпается». 9. «У моего Фокса постоишь у реки в Бокки. Фокса воду кинит и как зеркала блестящие». 14. «Маленькая пачка с красными угольками». 16. «На странице букваря тринадцать три богатыря. Муравей-богатырь знает как грамотеи». 18. «Есть у нас в квартире робот. У него огромный хобот. Любит робот чистоту и гуляет как лайнер «Туз». 19. «Кинут он не гонит, оловом не кормят, когда пашет, семь плугов тащит». 20. «В лесу родился, а лесу и в зарослях стал. В дом пришел — всех оловом собирает». 21. «Скоро ест, мелко жует. Сама не глотает — другие не дают». По горизонтали: 5. «Расколосил тесный домик на две половинки, посыпался в ладони бусинки-дробинки». 6. «Не лает, не кусает, а в дом не пускает». 8. Черный, проворный, кричит: «Креки!» — всем червякам врага. 10. «Одежды не шьет, а нитки продает». 11. «Когда в черен, в куски и провор. Только я покрашено — сразу приשמрехо». 12. «Накорични — живет. Напоминать, уметь». 13. «Два соболя лежат хвостом друг к другу». 14. «Давать коней одним поводом ведут». 15. «Без крыльев летят, без ног бегут, без паруса плывут». 17. «Круглая гора — что ни шит, то морская». 22. «Замечательный дружище — деревняная ручища, да железный обухом, да каменный грабешком». 23. «У меня есть два намушка. Куда зикну — звезда достану». 24. «Когда с тобою этот друг, ты можешь без дорог шагать на север и на юг, на запад и восток». 25. «В сенокосе горькая, а в мороз сладкая. Что за ягодка!»

Лесовик Сивопалыч с парами думал исленного солнца поучительный привил вдохновения и создал следующее произведение:

Совет Сивопалыча

Полный радости, слышу окрест! Ожигленные возгласы птичьих. Соловей, воробьишка, скворец! Преплодуюте! Это — ни — нища. Разных бабочек тащит с себя дом. О скорей! Утоляя свой голод! Избавляя от врага нас лихого! Мы тебя не забудем потом... Прилетай к нам, пожалуйста, снова.

Друзья, услышав так называемый «сонет» и одобряя его содержание, высказали критические замечания относительно формы произведения. Во-первых, сказали они, — это не сонет. Во-вторых, он написан не ямбом, как утверждает почтенный автор, а совершенно другим поэтическим размером. В-третьих, рифмы отличались неточностью.

— Зато, — отвечал Сивопалыч, — в этом стихотворении содержится искусство скрытое обращение ко всем любителям поэтики, которое вы не заметили.

Этим он заставил своих критиков замолчать в раздумии. А что вы, ребята, скажете о произведении Сивопалыча? Знаете ли вы, что такое сонет? Каким размером написано стихотворение? Разгадали ли вы призы и как называется подобная форма зашифровки фраз в стихотворении?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 3.

Состав будущего оркестра: Фортально, Сиринга, Анкорден, Гитара, Конграбас, Тромбон, Труба, Кларнет (сасофон), Олейта, Барбан с тарелками, Арра. Кроссворд № 1: 1. Гонце. 2. Сом. 3. Паржи. 4. Укроп. 5. Валеники. 6. Пасхаль. 7. Скрибл. 8. Сити. 9. Дюнка. 10. Тур. 11. Лещ. 12. Бурж. 13. Нещ. 14. Неман. 15. Кирос. 16. Апель. 17. Висла. 18. Ливия. 19. Нахивом. 20. Бив.

Кроссворд № 2: 1. Гамак. 2. Май. 3. Лимон. 4. Китай. 5. Кипарис. 6. Махлат. 7. Кубинет. 8. Мадор. 9. И. 10. Дог. 11. Час. 12. Коран. 13. Миран. 14. Повар. 15. Абзас. 16. Пилот. 17. Иссен. 18. Запад. 19. Балган. 20. Мак.

Рисунки М. Бедоманского

НАСТОЯЩИЙ МИНИСТР

На балу кто-то обратился к поэту Матвею: — Покажите, пожалуйста, где министр просвещения?

— Вот он, — ответил Матвей, показывая на Ивана Андреевича Крамова.

— А я думаю, что министр вот этот, в звездах, — сказала любопытный, указывая на министра графа Уварова.

— Нет, — покачал головой Матвей, — это наш баснописец: он в отчетах «басни» пишет.

ОБИДНО, НО СПРАВЕДИВО

Однажды в частном пансионе в Казани раздался взрыв. Его виновником оказался мальчик, увлекшийся химией и устроивший в подвале пансиона тайную лабораторию. За это он был пожен в карьер, а затем введен в столовую с доской на груди. На доске было написано: «Великий химик».

Ховину пансиона такое наказание казалось очень справедливым.

А наказанием была Саша Бутлеров, впоследствии действительно ставший выдающимся ученым — основателем современной органической химии.

СОДЕРЖАНИЕ

«Выезжаю завтра. Встречай» рисунки В. Равеского	История одного поиска рисунки В. Того	40
Партийные билеты революции очерк В. Бескоровайникова и М. Яснова	Киноклуб рисунки А. Готманского	40
Ледяной мост стихи И. Демьякова	Пугра над «Карточным домиком»	40
Рядом с Гагариным рисунки А. Крестинский	приключенческая повесть И. Бедоманского	46
Барбан журнал юнкоров	В трех американских городах из путевых впечатлений	53
Недоловецкая повесть Ю. Ковалев	Оплаканный свободой очерк И. Иманского	58
Морская газета	Экспедиция «Гидрограф»	60
	Уголки	61
	Арчебо	63
	шахматы и шашки	63

СООБЩЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Штурманский карандаш должен быть заточен очень остро. Как игла. Острием карандаша отмечается местонахождение корабля на морских картах. Если карандаш тупой, — точного места корабля на карте (а значит, и в море) не определишь...

Экипаж корвета «Витязь», Ленинград

Случаев, когда парусником управляет один человек, много. Устраивают даже гонки яхтсменов-одиночек через океаны. Нам известны гонщики-яхтсмены: Френсис Чичестер из Англии и Леонид Телига из Польши.

Экипаж фрегата «Паллада-7», Мытищи

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Наконец шхуна „Морская газета“ бросила якорь у берегов острова, указанного в таинственной записке (см. „Ностар“ № 2). Через несколько минут боцман Румпель и капитан Быстроходов высадились на остров. Как вдруг...

КАК ВДРУГ

...Как вдруг боцман увидел на песке отпечаток босой ноги человека...

Друзья отправились по следам в глубь острова.

— Вижу дым... — сказал боцман. У костра, перед входом в пещеру сидел человек и перелистывал том энциклопедии на букву «П».

— Это вы бросили в море бутылку с письмом? — спросил капитан Быстроходов.

— Да, ... Я здесь уже третий месяц! Ваш корабль у берега?

В кают-компанию шхуны незнакомец (не забывший прихватить с собой том энциклопедии на букву «П») рассказал историю...

— Я участник экспедиции, которая отправилась в Тихий океан из Лис-

сабона. Многие от нас начальник экспедиции держал в тайне, но команда знала, что нам предстоит найти на затопленном корабле свинцовый пенал с важными документами... Через две недели после отплытия наш старый пароход попал в сильнейший шторм и — затонул...

— Вы можете уточнить место поисков? — спросил Быстроходов.

Незнакомец протянул том энциклопедии, раскрытый на странице «Питкерна» — Питкерна...

— Остров Питкерна! — воскликнули Быстроходов и Румпель.

— Да, остров Питкерна... — сказал незнакомец.

— Придется эту тайну разгадать нам... — тихо сказал капитан Быстроходов... Включайте радио, Румпель, и передавайте:

*Оформление
А. Курушина*

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терехина (зам. секретаря), В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Белолацкий

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-28054. Слано в набор 5/1 1974 г. Подписано к печати 28/11 1974 г. Формат 60х90 $\frac{1}{2}$. Печ. л. 8+обл. Уч.-изд. л. 8.8. Тираж 550 000 экз. Заказ 1967. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.